

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ЕЖЕМЕСЯЧНОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ

Х•О•З•Я•Й•С•Т•В•О

ХЗПРАВО

Учредители –

Министерство юстиции Российской Федерации

и Некоммерческое партнерство Журнал «Хозяйство и право»

Издается с июля 1999 года

ПРИЛОЖЕНИЕ к № 8 • август • 2016

М. РОЖКОВА, М. ГЛАЗКОВА

**КОММЕНТАРИЙ К ОБЗОРУ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ
СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**
(утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года)
(часть I)

Подписано к печати 19.07.2016
Формат 70x108/16
Заказ № 373

Адрес редакции:
115446, Москва, Коломенский проезд, д. 14
Тел./факс: +7(495)225-83-05(06)

hozpravo@sovintel.ru
<http://www.hozpravo.ru>

Отпечатано в ОАО «Ин-октаво»
105082, Москва, ул. Б. Почтовая, д. 7, корп. 2

© «Хозяйство и право», 2016 ®

**КОММЕНТАРИЙ К ОБЗОРУ ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ
СУДАМИ ДЕЛ ПО СПОРАМ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ,
ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ**
(утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года)*
(часть I)

Положения части 1 статьи 21, статей 23 и 34, статьи 45 и части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации гарантируют каждому право на судебную защиту своей чести и доброго имени.

В силу предписания части 3 статьи 17, статьи 29 Конституции Российской Федерации устанавливается возможность выражения каждым своего мнения и убеждения любым законным способом, не нарушающим права и свободы других лиц. Это обязывает суд как орган правосудия при разрешении возникающих споров обеспечивать баланс конституционно защищаемых прав человека на свободное выражение взглядов и прав на защиту всеми своей чести, достоинства и деловой репутации.

Реализация конституционных прав, направленных на защиту нематериальных благ, осуществляется в порядке, предусмотренном статьей 12, пунктом 5 статьи 19, статьями 150, 152, 1099 и 1100, пунктом 3 статьи 1251, пунктом 2 статьи 1266 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Требования об их защите сроком давности не ограничены (статья 208 ГК РФ), исключение из этого правила установлено в пункте 10 статьи 152 ГК РФ в отношении сведений о гражданине, распространенных в средствах массовой информации.

В рамках проводимой в последнее время в Российской Федерации реформы гражданского законодательства были изменены правовые нормы о судебной защите нематериальных благ, устанавливающие более широкие средства правовой защиты для лиц, в отношении которых распространены сведения диффамационного характера, в том числе и в сети «Интернет».

С 1 октября 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекс-

* Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств государственного задания на выполнение НИР по проекту № 1865.

са Российской Федерации», которым в том числе были внесены изменения в главу 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита».

Помимо редакционных уточнений в названную главу введен ряд следующих новелл.

Одной из них является норма, определяющая дополнительные способы защиты нарушенных прав гражданина: принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (пункт 2 статьи 150 ГК РФ).

В пункте 1 статьи 152 ГК РФ предусмотрена возможность обеспечения после смерти гражданина судебной защиты не только его чести и достоинства, но также его деловой репутации.

Кроме того, в тех случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданину предоставлено право требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно (пункт 4 статьи 152 ГК РФ).

Пункт 10 статьи 152 ГК РФ гарантирует судебную защиту в случаях распространения о лицах не только сведений, порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию, но также любых распространенных о них сведений, если эти сведения не соответствуют действительности.

Верховный Суд Российской Федерации проанализировал практику рассмотрения судами в 2010–2015 годах дел о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Данные судебной статистики свидетельствуют о том, что количество таких дел, рассматриваемых ежегодно как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, разрешающих споры о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, является стабильным. В среднем в год рассматривается 5000 дел в судах общей юрисдикции и 800 дел в арбитражных судах.

В целях восстановления нарушенных прав заявители используют как специальные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации – опровержение распространенных порочащих сведений, опубликование своего ответа, удаление соответствующей информации, например, из сети «Интернет», так и общие гражданско-правовые способы защиты о компенсации морального вреда или возмещении убытков, которые причинены распространением порочащих сведений.

По делам, рассмотренным до 1 октября 2013 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ), требования о компенсации мораль-

ного вреда заявлялись и юридическими лицами, которым на основании пункта 7 статьи 152 ГК РФ (в ранее действующей редакции) такое право было предоставлено в случае распространения о них сведений, порочащих их деловую репутацию. Ныне действующая статья 152 ГК РФ исключает применение нормы о компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица (пункт 11).

С учетом этого юридические лица и индивидуальные предприниматели как субъекты предпринимательской деятельности вправе защищать свою деловую репутацию путем опровержения порочащих их сведений или опубликования своего ответа в печати, а также заявлять требования о возмещении убытков, причиненных распространением таких сведений.

Надлежащими ответчиками по делам анализируемой категории являются авторы не соответствующих действительности сведений, а также лица, распространившие эти сведения, например, средства массовой информации, которые, как показывает обзор судебной практики, привлекаются в качестве ответчиков по делам указанной категории в четыре раза реже, чем граждане или юридические лица.

Решение об удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации выносится судом в случае установления совокупности трех условий: сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности. При этом заявитель обязан доказывать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий характер этих сведений. На ответчика же возложена обязанность доказать, что распространенные им сведения соответствуют действительности.

При разрешении дел данной категории суды общей юрисдикции и арбитражные суды руководствуются разъяснениями высших судебных органов, которые ориентируют на правильное толкование и применение гражданско-правовых норм в целях разрешения споров по вопросам защиты нематериальных благ.

Источниками таких разъяснений являются:

– постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»;

– постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»;

– постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»;

– постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»;

– постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»;

– постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе»;

– постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 61 «Об обеспечении гласности в арбитражном процессе»;

– обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 2007, № 12).

При рассмотрении дел анализируемой категории суды также учитывают решения Конституционного Суда Российской Федерации, в частности его постановления от 30 июня 2011 г. № 14-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П и др.

Судами принимаются во внимание положения международно-правовых актов, в частности Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также практика Европейского Суда по правам человека (например, постановление от 30 мая 2013 г. по делу «ООО «Вести» и Ухов (“Vesti” and Ukhov) против Российской Федерации», постановление от 28 марта 2013 г. по делу «Новая газета» и Бородинский (“Novaya Gazeta” and Borodyanskiy) против Российской Федерации», постановление от 14 октября 2010 г. по делу «Андрушко (Andrushko) против Российской Федерации», постановление от 8 апреля 2010 г. по делу «Безымянный (Везутуанну) против Российской Федерации», постановление от 11 февраля 2010 г. по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации», постановление от 14 октября 2008 г. по делу «Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации», постановление от 5 октября 2006 г. по делу «Захаров (Zakharov) против Российской Федерации», постановление от 21 июля 2005 г. по делу «Гринберг (Grinberg) против Российской Федерации», постановление от 23 апреля 1992 г. по делу «Кастеллс (Castells) против Испании», постановление от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс (Lingens) против Австрии»).

Проведенное изучение судебной практики показало, что при рассмотрении и разрешении требований о защите чести, достоинства и деловой репутации суды в основном правильно применяли законодательство, регулирующее спорные отношения.

Разграничение компетенции по рассмотрению дел о защите деловой репутации между судами общей юрисдикции и арбитражными судами определяется в зависимости от того, к какой сфере деятельности истца относится возникший спор.

По делам о защите деловой репутации требования в соответствии со статьей 152 ГК РФ вправе заявлять в суд как граждане, так и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности (включая государственные, муниципальные, общественные организации), а также индивидуальные предприниматели.

В силу прямого указания пункта 5 части 1 статьи 33 АПК РФ дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности подведомственны арбитражным судам.

Анализ материалов судебной практики в целом свидетельствует о сложившемся единообразии в рассмотрении дел данной категории, однако допускаемые судами ошибки и возникающие у них вопросы подтверждают необходимость обратить внимание на следующее.

Комментарий к преамбуле

О понятиях «честь», «достоинство», «деловая репутация». Конституция РФ провозглашает охрану государством достоинства личности (наряду с отсутствием каких-либо законных оснований для его умаления), а также защиту чести и доброго имени. В совокупности с декларированием свободы использования своих способностей и имущества для осуществления не запрещенной законом экономической деятельности, а также гарантий государственной (в том числе судебной) защиты прав и свобод любых лиц это составляет конституционную основу для применения в российской правовой системе института гражданско-правовой защиты деловой репутации.

Объект судебной защиты, практика реализации которой обобщена и разъяснена в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 года (далее – Обзор), на конституционном уровне определен более узко, чем в отраслевом российском законодательстве. Он охватывает лишь характеристики, свойственные человеческой личности: достоинство, честь, доброе имя.

Под достоинством имеется в виду позитивное представление лица о самом себе (чувство собственного достоинства): оно определяется как «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе» [1, с. 180], «отличное качество или превосходство; сан, звание чин, значение и пр.» [2, с. 480]. Честь обычно понимается в виде определенной положительной оценки, данной человеку со стороны общества и включающей в себя оценку и других качеств личности помимо достоинства.

В литературе честь определялась и как «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [3, с. 599], и как «внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтенье, чествование, изъявление уважения, признание чьего-либо превосходства» [3, с. 599], и как «нравственное достоинство, присущее каждому лицу, независимо от его государственного положения, но в различном объеме, смотря по принадлежности лица к тому или иному общественному классу» [4].

Несмотря на содержательные различия названных нравственных категорий, в обоих случаях речь идет о субъективной или объективной, но всегда положительной оценке личности человека.

Впервые право на защиту чести и достоинства было предусмотрено в ст. 7 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 года. Затем соответствующие нормы были включены в ГК РСФСР 1964 года. Необходимо отметить, что приведенные характеристики традиционно признавались отечественной наукой за человеком, но никак не за юридическим лицом.

Категория «доброе имя» нередко ассоциируется с понятиями чести или репутации – понятие «честь» может определяться в том числе как «хорошая незапятнан-

ная репутация, доброе имя» [З, с. 880], а репутация — как относительно устоявшееся представление о человеке, основанное на объективной оценке проявления его личностных качеств и поведения в определенных социальных группах (семье, компании друзей, трудовом коллективе, интернет-сообществе и др.) или при осуществлении той или иной деятельности (служебной, политической, предпринимательской и проч.). В отличие от чести репутацию можно оценить и как положительную, и как отрицательную. Однако характеристике «доброе имя» очевидно присуща лишь позитивная оценка личных качеств и поведения лица, то есть данный термин используется как синоним только «положительной репутации». Обращает на себя внимание, что в отсутствие прямого указания закона советская судебная практика разграничивала «доброе имя гражданина» и «положительную репутацию организации» (постановление Пленума ВС СССР от 02.03.1989 № 2 «О применении в судебной практике статьи 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций»). Несмотря на то что в гражданском законодательстве 60–80-х годов XX века защита репутации прямо не предусматривалась, правоприменитель исходил из необходимости ее обеспечения.

В свою очередь деловая репутация как объект защиты обозначена лишь в отраслевом законодательстве. Термин «деловая репутация» получил первое легальное упоминание сначала в ст. 7 Основ гражданского законодательства СССР и республик 1991 года, а затем в ст. 19, 150, 152 ГК РФ 1994 года. В п. 1 ст. 150 в качестве нематериальных благ наряду с достоинством личности названы честь, доброе имя и деловая репутация гражданина, а ст. 152 регулирует защиту деловой репутации применительно как к физическим, так и к юридическим лицам (п. 11).

Следует подчеркнуть, что ВС РФ специально назвал те разъяснения высших судебных органов, которые ориентируют на правильное толкование и применение гражданско-правовых норм в целях разрешения споров по защите от диффамации и в условиях действующего законодательства подлежат применению судами. Не все из ранее данных разъяснений высших судов включены в этот список (см. об этом далее). Надо отметить и то, что ВС РФ указал на необходимость при вынесении решений по рассматриваемой категории споров учитывать решения Конституционного Суда РФ, а также международно-правовые акты и практику Европейского Суда по правам человека, на что обращалось внимание и ранее (см., например, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», далее — постановление Пленума ВС РФ № 3).

О способах правовой защиты от диффамации. Важно отметить, что в комментируемом Обзоре достаточно много места уделено вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации в сети Интернет. То есть Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, что возможности, предоставляемые действующим законодательством для защиты указанных объектов в реальной действительности, применимы и для случаев, когда нарушения совершаются в виртуальном пространстве, что представляется совершенно обоснованным.

В преамбуле Обзора отмечено, что требования о защите чести, достоинства и деловой репутации не ограничиваются сроком исковой давности. При этом срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением в СМИ не соответствующих действительности сведений (не являющихся порочащими), составляет один год со дня опубликования таких сведений в соответствующем СМИ (п. 10 ст. 152 ГК РФ).

Далее подчеркнуто, что внесенные в ГК РФ дополнения расширили инструментарий, который может использоваться заинтересованными лицами для защиты от распространения в отношении них сведений порочащего характера. Новеллой ГК РФ, дополнительно защищающей права лиц в указанной сфере, стала возможность заявлять требование о признании судом факта нарушения личного неимущественного права; об опубликовании решения суда о допущенном нарушении; о пресечении или запрещении действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права; об удалении соответствующей информации (включая изъятие и уничтожение материальных носителей, содержащих эти сведения) и т.д.

Таким образом, для защиты чести, достоинства и деловой репутации могут использоваться как общие (в частности, компенсация морального вреда или возмещение убытков, причиненных распространением порочащих сведений), так и упомянутые ранее специальные гражданско-правовые способы. В развитие сказанного нужно выделить следующее.

1. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что предусмотренное п. 1 ст. 152 ГК РФ право лица требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений предполагает возможность решить этот вопрос во внесудебном порядке.

Ранее внесудебная форма защиты прямо упоминалась, в частности, в ст. 43-45 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее — Закон о СМИ), определяющих процедуру опубликования опровержения не соответствующих действительности и порочащих сведений, которые были распространены в СМИ, и устанавливающих срок для обжалования в суд нарушений данной процедуры или отказа в опровержении. Аналогичные правила предусматривались и применительно к использованию такого средства защиты, как публикация ответа (комментария, реплики) в том же СМИ.

Вместе с тем с 1 июня 2016 года вступили в силу нововведения, предусмотренные Федеральным законом от 02.03.16 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Теперь всякий спор, возникающий из гражданских правоотношений, может передаваться на разрешение арбитражного суда только после использования претензионного порядка. Исключения из этого правила прямо поименованы в ч. 5 ст. 4 АПК РФ и дела о защите деловой репутации в этой части ст. 4 не упоминаются. Следовательно, соблюдение досудебного (претензионного) порядка урегулирования спора обязательно для рассматриваемой категории дел.

2. Согласно п. 2 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага (к которым закон относит честь, достоинство и деловую репутацию) защищаются в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и порядке, ими предусмотренными, а также в тех

ситуациях и пределах, в каких использование способов защиты (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного права и характера последствий нарушения.

Способы защиты права могут быть применены как для пресечения оспаривания или нарушения субъективных гражданских прав, так и для устранения последствий их нарушения (включая компенсацию имущественных и неимущественных потерь лица, чье право нарушено или оспаривается). В некоторых случаях один и тот же способ защиты может быть направлен одновременно и на пресечение нарушения прав, и на устранение последствий такого нарушения. Более того, адекватная защита нарушенных прав зачастую требует одновременного применения нескольких способов.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что для защиты чести, достоинства и деловой репутации заинтересованное лицо вправе использовать несколько способов защиты, причем они могут быть реализованы как одновременно, так и по отдельности.

Статья 152 ГК РФ предоставляет гражданину право требовать по суду опровержения порочащих его сведений (пп. 1, 6), в том числе распространенных в СМИ. Гражданин, в отношении которого в СМИ опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же СМИ, то есть наделен возможностью самозащиты (п. 2). В случае широкого распространения (в том числе посредством сети Интернет) порочащих сведений и невозможности их всеобъемлющего опровержения гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, пресечения или запрещения ее дальнейшего распространения (пп. 4, 5). Помимо перечисленного гражданин вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений (п. 9). Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, последний вправе обратиться в суд с заявлением о признании этих сведений не соответствующими действительности (п. 8).

Как разъяснил Конституционный Суд РФ, сами по себе положения ст. 152 ГК РФ, устанавливающие специальные способы защиты личных неимущественных прав лица, в отношении которого были распространены порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию сведения, не соответствующие действительности, не исключают применение и других способов защиты, в том числе в тех случаях, когда нарушение прав не связано с виновным поведением лица, причастного к распространению соответствующих сведений, и когда их распространение осуществляется иными средствами и через иные источники, нежели средства массовой информации (см. постановление КС РФ от 09.07.2013 № 18-П).

В п. 2 Обзора практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23.09.1999 № 46) (далее — Обзор ВАС РФ 1999 года) упоминался случай, когда истец требовал только возмещения убытков, причиненных распространением сведений, порочащих его деловую репутацию, не заявляя требования об опровержении этих сведений. Отказывая в удовлетворении иска, суды исходили из невозможности возмещения убытков в отсутствие требования о признании распростра-

ненных сведений не соответствующими действительности и судебного решения, вступившего в законную силу, которым признан факт распространения таких сведений (или признания самим лицом, распространившим эти сведения и опровергшим их в установленном порядке).

Между тем в соответствии со ст. 9, 12 ГК РФ граждане и юридические лица осуществляют принадлежащие им гражданские права по своему усмотрению; свободны они и в выборе способа защиты. В силу ст. 152 ГК РФ лицо, в отношении которого распространены сведения, не соответствующие действительности, вправе наряду с опровержением этих сведений требовать возмещения убытков, причиненных распространением таких сведений. С учетом того, что данная норма не ставит право истца на обращение с иском о взыскании убытков в зависимость от предварительного заявления требования об опровержении распространенных сведений, судам в аналогичных случаях необходимо исследовать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу (в частности, вопрос о соответствии распространенных сведений действительности), и давать оценку обоснованности заявленных требований.

Здесь же отметим, что в тексте комментируемого Обзора упомянутый Обзор ВАС РФ 1999 года не отнесен к источникам разъяснений высших судебных органов, которые ориентируют на правильное толкование и применение правовых норм о защите чести, достоинства и деловой репутации. Таким образом, нужно заключить, что указанное положение Обзора ВАС РФ 1999 года не подлежит применению.

Итак, анализируя правовые возможности лица, стремящегося защитить собственные честь, достоинство или деловую репутацию, следует признать, что выбор способа защиты принадлежит исключительно истцу, и только он определяет объем требований, предъявляемых к нарушителю. Использование способов защиты, направленных на пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, ни в коей мере не ограничивает заинтересованное лицо в использовании и способов, направленных на восстановление положения, существовавшего до нарушения права.

3. К способам защиты прав, задачей которых является только пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, бесспорно, относится пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений или незаконного использования деловой репутации. Этот способ защиты позволяет заинтересованному лицу требовать также изъятия и уничтожения (без какой-либо компенсации) экземпляров материальных носителей, в которых содержатся указанные сведения, в частности изъятия тиража журнала, в котором изложена диффамационная информация.

В связи со сказанным серьезные сомнения всегда вызывала обоснованность отказов в удовлетворении ходатайств о применении обеспечительных мер путем запрета ответчику подготавливать и распространять новые сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию истца.

Так, в Обзоре ВАС РФ 1999 года разбиралось дело, в рамках которого страховая компания оспаривала сведения, содержащие утверждения о нарушениях этой

компанией положений страхового законодательства в части обязанности осуществления страховых выплат по договорам ОСАГО, в том числе сроков исполнения данной обязанности. Сведения были распространены краевым телеканалом в нескольких выпусках авторской программы.

Суд отказал в удовлетворении ходатайства об обеспечении иска путем запрета ответчику и другим лицам совершать какие-либо действия по распространению спорных сюжетов об истце, а также распространять содержащиеся в них заведомо ложные сведения, порочащие деловую репутацию истца.

Комментируемый Обзор, исключивший Обзор ВАС РФ 1999 года из числа действующих источников разъяснений высших судебных органов, позволяет сделать вывод о принципиально иной позиции ВС РФ – в поддержку применения в делах о защите деловой репутации обеспечительных мер.

Данный подход иногда применяется судьями на практике (хотя и не всегда последовательно).

Так, в деле по иску о защите деловой репутации предприятия, опороченной распространением не соответствующих действительности сведений в статье, опубликованной в газете и в сети Интернет, арбитражный суд принял обеспечительные меры в виде запрета ответчикам и другим лицам совершать какие-либо действия по распространению (размещению) данной статьи, а также запрета распространения содержащихся в ней сведений (определение Арбитражного суда Калужской области от 10.06.2013 по делу № А23-571/2013).

Удовлетворяя заявленное ходатайство, суд отметил, что непринятие указанных мер может причинить значительный ущерб истцу. Тем не менее незамедлительно последовавшее использование содержащихся в статье сведений для публикации новой статьи не возымело никакой правовой реакции со стороны суда (действовавшего уже в ином судебном составе).

На пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, направлен и такой способ защиты, как ответ лица, полагающего, что его чести, достоинству или деловой репутации нанесен ущерб (ст. 46 Закона о СМИ).

4. К способам защиты, направленным на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, относится, прежде всего, опровержение порочащих сведений. Суть этого способа состоит в том, что всякое лицо, распространившее порочащие сведения, должно их опровергнуть тем же способом, каким они и были распространены. Если эти сведения были распространены в СМИ, опровергнуты они должны быть в том же СМИ. Если порочащие сведения были распространены в документе, исходящем от конкретной организации, та же организация должна его заменить или отозвать. Если порочащие сведения содержались в частном письме, автора письма возможно принудить к направлению тому же адресату нового письма с опровержением изложенной ранее информации.

По вопросу о понуждении ответчика опровергнуть порочащие истца сведения в п. 17 постановления Пленума ВС РФ № 3 было определено: «При удовлетворе-

нии иска суд в резолютивной части решения обязан указать способ опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений и при необходимости изложить текст такого опровержения, где должно быть указано, какие именно сведения являются не соответствующими действительности порочащими сведениями, когда и как они были распространены, а также определить срок (применительно к установленному статьей 44 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»), в течение которого оно должно последовать.

Опровержение, распространяемое в средстве массовой информации в соответствии со статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, может быть облечено в форму сообщения о принятом по данному делу судебном решении, включая публикацию текста судебного решения».

С учетом сказанного несомненной поддержки заслуживают некоторые примеры судебной практики. Так, в одном из дел основанием для предъявления обществом иска о защите его деловой репутации послужила публикация в газете статьи, содержащей порочащие сведения, а также ответа на статью от имени общества вместо предложенного истцом текста опровержения (из обобщения судебной практики «Вопросы защиты деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», подготовленного ФАС Волго-Вятского округа; далее – Обобщение ФАС Волго-Вятского округа).

Арбитражный суд удовлетворил иск, поскольку изложенные в газетной публикации сведения не соответствовали действительности и умаляли деловую репутацию истца. При этом суд обязал ответчика в десятидневный срок опубликовать опровержение в той же газете. Доводы ответчика о том, что опровержение уже дано в газете в виде ответа истца, были обоснованно отклонены судом со ссылкой на факт опубликования ответа, а не опровержения порочащих сведений.

Приведенный пример иллюстрирует вывод, что при выборе истцом такого средства защиты, как публикация опровержения порочащих его сведений, внесение изменений или комментариев в текст опровержения не допускается.

5. В судебной практике возникают вопросы относительно допустимости обязанности принести извинения в качестве способа защиты чести, достоинства или деловой репутации.

По этому поводу ВС РФ ранее отмечал, что извинение как способ судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации нормами ни ст. 152 ГК РФ, ни других законодательных актов не предусмотрено, на основе чего пришел к выводу о неправомерности судебного обязательства ответчиков по указанной категории дел принести истцам извинения в той или иной форме.

В связи с этим адвокат Г. Резник характеризует случаи возложения судом на ответчика обязанности извиняться как «юридический ляп, достаточно распространенный в судебных решениях по делам данной категории» [5, с. 27].

Вместе с тем в п. 18 постановления Пленума ВС РФ № 3 обращено внимание на не противоречащее закону право суда утвердить мировое соглашение, в соот-

ветствии с которым стороны по обоюдному согласию предусматривают принесение ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца.

Отмеченный подход был воспринят судебной практикой.

Представляется, что само по себе обязательство нарушителя принести извинения не противоречит закону, несмотря на отсутствие прямого указания на возможность защиты чести, достоинства и деловой репутации таким способом. Однако в большей степени проблема проявляется в плоскости обеспечения исполнимости судебного акта. Что в первом (при утверждении судом мирового соглашения), что во втором (при принятии обязывающего судебного решения) случае при отсутствии «доброй воли» ответчика на исполнение судебного акта, предписывающего принести истцу извинения, принудительное исполнение не представляется возможным. В связи с этим наличие заинтересованности ответчика в добровольном урегулировании спора в ходе судебного процесса свидетельствует о большей вероятности достижения искомой цели, чем формальное принуждение.

б. К распространенным способам защиты, направленным на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, относятся и возложение на нарушителя обязанности выплатить денежную компенсацию, а также возмещение убытков, причиненных распространением порочащих истца сведений.

В п. 16 постановления Пленума ВС РФ № 3 указано, что в случаях, когда заинтересованным лицом предъявлено требование о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений, суд разрешает это требование в соответствии со ст. 15 и пп. 5, 7 ст. 152 ГК РФ.

Если для удовлетворения требования об опровержении порочащих сведений истцу необходимо доказать факт распространения сведений ответчиком, а также порочащий характер этих сведений (при условии, что ответчик не представил доказательств соответствия их действительности), требование о возмещении убытков нуждается в дополнительных доказательствах. Помимо указанного истец должен доказать: наличие убытков и их размер; причинно-следственную связь между допущенным распространением не соответствующих действительности сведений и возникшими у истца убытками; вину ответчика. Лишь при доказанности совокупности этих условий истец вправе рассчитывать на удовлетворение судом требования о возмещении причиненных ему убытков.

Как показывает анализ судебной практики, суды испытывают сложности при определении и оценке убытков, причиненных распространением порочащих сведений. Это основано, кроме прочего, и на том, что заинтересованное лицо иногда может рассчитать и доказать сумму убытков, уже понесенных им (например, вследствие имевшего место снижения объема продаж и вынужденного снижения цен на продукцию, проведения дополнительных распродаж и рекламных акций, публикации дополнительных рекламных информационных материалов). Однако верно рассчитать будущие убытки достаточно затруднительно: например, у коммерческой организации может появиться необходимость в изменении скомпрометированного порочащими сведениями фирменного наименования, проведения новой рекламной кампании бренда и т.п. В таких условиях нередко воз-

никают предпосылки для предъявления требования о взыскании убытков в виде упущенной выгоды, которая, по всей вероятности, могла быть получена заинтересованным лицом, но не поступила в его доход по причине распространения в отношении него порочащих сведений.

В отсутствие подробных разъяснений высших судов по данному вопросу в судебной практике были выработаны некоторые рекомендации для облегчения разрешения споров о возмещении убытков, причиненных распространением порочащих сведений.

Так, в случае, когда истец наряду с требованием об опровержении сведений, порочащих деловую репутацию, заявляет требование о взыскании убытков, последнее подлежит удовлетворению при наличии общих условий наступления гражданско-правовой ответственности [п. 10 Обобщения практики рассмотрения споров, связанных с защитой деловой репутации, утвержденного Президиумом Арбитражного суда Свердловской области от 20 апреля 2007 года; далее – Обобщение АС Свердловской области)].

- Например, в деле по иску об опровержении сведений, порочащих деловую репутацию, отзыве из управления внутренних дел письма, извещении фонда «Б» о несоответствии действительности распространенных сведений и о взыскании с ответчика упущенной выгоды исковые требования были удовлетворены частично (за исключением взыскания убытков). В качестве мотива такого решения указывалось, что исходя из п. 2 ст. 15 ГК РФ основанием для возложения гражданско-правовой ответственности в форме возмещения упущенной выгоды за распространение не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию сведений является упомянутая совокупность обстоятельств (наличие убытков, противоправность действий, причинно-следственная связь между допущенным распространением не соответствующих действительности сведений и возникшими у истца убытками). При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств правовых оснований для взыскания упущенной выгоды не имеется. В приведенном деле суд пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между распространением ответчиком сведений, порочащих деловую репутацию истца, и причиненными истцу убытками в виде неполученных доходов в результате расторжения договора с фондом «Б».
- По аналогичным мотивам в деле о защите деловой репутации, опорооченной распространением недостоверных сведений (в результате чего рекламодатель расторг договор с истцом по причине утраты к нему доверия), суд обязал ответчика опровергнуть сведения, признанные порочащими, в установленном законом порядке и предоставить истцу право на ответ, однако отказал в удовлетворении требования о возмещении убытков ввиду недоказанности причинной связи между убытками и распространением сведений, не соответствующих действительности.

Таким образом, требование о взыскании убытков в виде упущенной выгоды представляет собой допустимое средство защиты от диффамации. Однако для рассмотрения такого требования необходимо исследование не только доказа-

тельств порочащего характера сведений и факта их распространения в отношении истца, но и общих условий наступления гражданско-правовой ответственности, в том числе причинно-следственной связи между возможностью возникновения убытков в будущем и допущенным нарушением чести, достоинства или деловой репутации.

О надлежащих ответчиках по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации и подведомственности. Как указано в преамбуле, выступать истцами по делам рассматриваемой категории вправе как граждане, так и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности (включая государственные, муниципальные, общественные организации), а также индивидуальные предприниматели.

В качестве ответчика по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации может быть привлечен достаточно широкий круг лиц, которые выступили автором или допустили распространение порочащих сведений в отношении конкретного лица либо иным образом способствовали унижению чужой деловой репутации. Исходя из норм действующего законодательства и с учетом разъяснений ВС РФ надлежащими ответчиками по делам, связанным с распространением порочащих сведений в СМИ, могут, в частности, выступать:

- автор публикации (при его указании);
- редакция соответствующего СМИ (если автор не указан);
- учредитель СМИ (если сведения опубликованы по его указанию и от его имени либо если редакция СМИ не является юридическим лицом);
- источник сведений (в том числе лицо, давшее интервью);
- лицо, разместившее сведения на сайте в сети Интернет (в том числе владелец сайта);
- администратор домена при размещении информации, содержащей порочащие сведения, на сайте в сети Интернет.

В судебной практике возникал вопрос о том, обязательно ли привлечение автора (если он известен) к участию в деле.

Представляется, что ответ на него должен быть положительным, что обусловлено следующим. Закон не содержит прямых предписаний об обязательности указания автора распространенных сообщений или материалов в качестве ответчика, в силу чего отсутствуют основания для привлечения его судом по собственной инициативе к участию в деле в качестве ответчика. Вместе с тем нельзя игнорировать правила о процессуальном соучастии в случаях, когда предметом спора является общее право или исковые требования базируются на одних и тех же фактах, либо имеет место однородность заявленных требований. Важно подчеркнуть, что первые два основания создают обязательность соучастия, поскольку дело нельзя разрешить без участия всех субъектов материального правоотношения. Это позволяет прийти к выводу о невозможности рассмотрения дела о защите чести, достоинства и деловой репутации без участия автора публикации, по меньшей мере, по той причине, что требования к СМИ и автору основаны на одних и тех же фактах.

В таких условиях суд может поставить перед участвующими в деле лицами вопрос о привлечении автора в качестве ответчика и при согласии на это истца или

совместном ходатайстве сторон привлечь автора к участию в деле. Схожие выводы могут быть сделаны и в отношении учредителя СМИ в тех случаях, когда в силу предоставленных ему полномочий он обязал редакцию опубликовать от его имени соответствующие сообщение или материал. В то же время в ситуации, когда сведения распространены работником от имени юридического лица (например, в служебной характеристике), ВС РФ ранее указывал на возможность привлечения такого работника к делу лишь в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне ответчика (п. 5 постановления Пленума ВС РФ № 3).

В ситуации, когда возникает вопрос о необходимости привлечения автора (физического лица) к участию в судебном разбирательстве, встает проблема подведомственности таких дел арбитражным судам, которые по общему правилу не обладают компетенцией рассматривать дела с участием физических лиц. Позиция в отношении подведомственности дел, стороной в которых является гражданин, не имеющий статуса предпринимателя, была окончательно сформулирована Верховным Судом РФ в одном из недавних обзоров судебной практики (вопрос 4 раздела VI Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2014), утвержденное Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 года).

Верховным Судом РФ были тщательно проанализированы нормы арбитражного процессуального законодательства (ст. 27 и 28 АПК РФ) и положения совместных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (абз. 1 п. 3 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 18.08.1992 № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам», п. 13 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Исходя из результатов проведенного анализа, Верховный Суд РФ сделал следующий вывод: «...гражданин может быть лицом, участвующим в арбитражном процессе в качестве стороны, исключительно в случаях, если на момент обращения в арбитражный суд он имеет государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя либо если участие гражданина без статуса индивидуального предпринимателя в арбитражном процессе предусмотрено федеральным законом (например, ст. 33 и 225¹ АПК РФ).

Иной подход к решению данного вопроса противоречил бы общему принципу разграничения юрисдикционных полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов, согласно которому в основе данного разграничения должны быть заложены критерии характера спора и его субъектного состава, применяемые в совокупности».

Таким образом, Верховный Суд РФ провел четкую «демаркационную» черту в вопросе подведомственности дел арбитражным судам, указав, что критерий субъектного состава участников правоотношения сохраняет свою силу применительно к ст. 27 и 28 АПК РФ: участниками арбитражного процесса по делам, упомянутым в указанных статьях, не могут быть лица, не имеющие на момент обращения в арбитражный суд статуса индивидуального предпринимателя. Применительно к ст. 33 («Специальная подведомственность дел арбитражным судам») и ст. 225¹

(«Дела по корпоративным спорам») Верховный Суд РФ подтвердил возможность участия в арбитражном процессе физических лиц, не обладающих статусом индивидуального предпринимателя.

Федеральным законом от 29.12.2015 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 3 части 1 статьи 6 Федерального закона «О саморегулируемых организациях» в связи с принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» внесены изменения в ст. 27 и 33 АПК РФ. Эти изменения, вступающие в силу с 1 сентября 2016 года, предусматривают ряд новаций, имеющих значение для целей настоящего комментария.

Во-первых, принципиальные изменения коснутся ст. 33 АПК РФ, которая в редакции, действующей до 1 сентября 2016 года, носила наименование «Специальная подведомственность дел арбитражным судам» и содержала перечень дел, подведомственных арбитражным судам вне зависимости от субъектного состава спора (то есть независимо от того, являются ли участниками правоотношений юридические лица, индивидуальные предприниматели, иные организации и граждане). Данная статья с 1 сентября 2016 года именуется «Споры, подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда» и закрепляет другой перечень – перечень дел, которые могут передаваться на рассмотрение арбитражей.

Во-вторых, ст. 27 АПК РФ дополнена ч. 6, нормы которой вступают в действие с 1 сентября 2016 года. Эта новая часть, по сути, воспроизводит положения «прежней» ст. 33 АПК РФ, закрепляя перечень дел, подведомственных арбитражным судам вне зависимости от субъектного состава спора, на что специально указывается в первом предложении: «Независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане, арбитражные суды рассматривают дела...». Среди дел, прямо отнесенных к подведомственности арбитражных судов вне зависимости от субъектного состава, дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, указание в комментируемом Обзоре (как в преамбуле, так и в тексте) на то, что дела рассматриваемой категории, если они возникают в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, подведомственны арбитражным судам, сохраняет свое значение. При этом в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 сентября 2016 года) и п. 7 ч. 6 ст. 27 АПК РФ (в редакции, действующей с 1 сентября 2016 года) эти дела будут подведомственны арбитражным судам и в том случае, если к участию привлекается гражданин.

1. Если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные предприниматели в сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, такой спор относится к компетенции судов общей юрисдикции.

Например, коллегия адвокатов обратилась в арбитражный суд с иском к интернет-компании о признании не соответствующими действительности и порочащи-

ми деловую репутацию истца и адвокатов – членов данного адвокатского образования текстовых сообщений поисковой системы.

Суд, руководствуясь положениями пункта 5 части 1 статьи 33, пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ, а также положениями Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимая во внимание правовую позицию, изложенную в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», согласно которой, если сторонами спора о защите деловой репутации являются юридические лица или индивидуальные предприниматели в иной сфере, не относящейся к предпринимательской и иной экономической деятельности, то такой спор подведомствен суду общей юрисдикции, прекратил производство по делу в связи с неподведомственностью спора арбитражному суду.

При этом арбитражный суд исходил из того, что адвокатская деятельность не является предпринимательской. Коллегия адвокатов (истец по делу) является некоммерческой организацией, основанной на членстве и действующей на основании заключаемого ими учредительного договора, и не преследует целей извлечения прибыли.

С учетом изложенного суд пришел к выводу, что заявленные исковые требования не подпадают под категорию споров о защите деловой репутации, рассматриваемых арбитражными судами применительно к пункту 5 части 1 статьи 33 АПК РФ <1>.

<1> Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 апреля 2015 г. по делу № А40-48978/14.

В другом деле государственное учреждение – региональное отделение Фонда социального страхования Российской Федерации (далее – фонд) обратилось в арбитражный суд с иском к гражданину о признании не соответствующими действительности сведений и об обязанности разместить опровержение.

Фонд ссылался на то, что гражданин разместил на нескольких сайтах в сети «Интернет» сообщения, согласно которым фонд ограничивает конкуренцию при осуществлении деятельности по обеспечению детей-инвалидов ортопедической обувью.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа производство по делу прекращено, поскольку заявленные истцом требования не подпадают под категорию споров о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности применительно к пункту 5 части 1 статьи 33 АПК РФ, в связи с чем не подлежат рассмотрению арбитражным судом.

Арбитражные суды пришли к правильному выводу о том, что опубликованные на сайтах тезисы касаются организационно-управленческой деятельности фонда по осуществлению государственных функций, не имеющих целью извлечение прибыли или иного дохода <1>.

<1> Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 января 2013 г. по делу № А56-25599/2012.

Необходимым условием для определения компетенции арбитражного суда по рассмотрению дел данной категории является экономический характер спора, возникшего в связи с непосредственным осуществлением истцом предпринимательской и иной экономической деятельности.

Так, П. и М. обратились в арбитражный суд с иском к акционерному обществу об обязанности опровергнуть в телевизионном эфире сведения о том, что П. и М. являются «патентными троллями».

В обоснование исковых требований заявители указали, что ранее в ходе судебного заседания районного суда при рассмотрении дела по иску П. и М. к организации о признании использования ответчиком результатов интеллектуальной деятельности истцов, об обязанности ответчика прекратить введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации игровой консоли, об изъятии из оборота игровых консолей представитель организации публично в присутствии суда и сторон, корреспондента службы информации телевизионной компании заявил о том, что истцы являются «патентными троллями».

Указанная фраза впоследствии была процитирована корреспондентом службы информации телевизионной компании в телевизионном эфире в новостной программе. Видеорепортаж этой программы был также представлен в сети «Интернет».

По мнению истцов, данная фраза порочила их деловую репутацию.

Определением арбитражного суда производство по делу прекращено на основании пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ в связи с тем, что данное дело не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

Арбитражный суд апелляционной инстанции оставил без изменения определение арбитражного суда первой инстанции, руководствуясь следующим.

В соответствии с пунктом 1 статьи 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Согласно статье 28 АПК РФ арбитражные суды рассматривают в порядке искового производства возникающие из гражданских правоотношений экономические споры и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотренных данным кодексом и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснил, что пунктом 5 части 1 статьи 33 АПК РФ установлена специальная подведомственность арбитражным судам дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом согласно части 2 названной статьи указанные дела рассматриваются арбитражными судами независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

Исходя из статьи 2 ГК РФ предпринимательской деятельностью является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систе-

матическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Истцы в качестве индивидуальных предпринимателей не зарегистрированы.

В силу статьи 1347 ГК РФ автором изобретения признается гражданин, творческим трудом которого создан соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

Как правильно указал суд, истцы являются лицами, чьим творческим трудом созданы изобретения, патентообладателями которых они являются, то есть их действия направлены на изобретение и создание результатов интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а не на получение определенного перечня продукции.

Доказательств того, что истцы осуществляют какой-либо производственный процесс, используют созданные ими изобретения для получения продукции и извлечения прибыли либо осуществления иной экономической деятельности, суду не представлено, следовательно, истцы не осуществляют экономическую деятельность <1>.

<1> Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14 марта 2013 г. № 09АП-41886/2012-ГК.

Комментарий к п. 1 Обзора

В преамбуле комментируемого Обзора указано на то, что разграничение компетенции по рассмотрению дел о защите деловой репутации между судами общей юрисдикции и арбитражными судами определяется в зависимости от того, к какой сфере деятельности истца относится возникший спор: в силу прямого указания п. 5 ч. 1 ст. 3 АПК РФ дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности подведомственны арбитражным судам.

Но несмотря на, казалось бы, четкое законодательное определение границ юрисдикции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, вопрос правильного определения подведомственности дела о защите деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности вызывает проблемы на протяжении многих лет. И даже нормы ст. 33 АПК РФ, установившие в свое время правила специальной подведомственности арбитражным судам ряда категорий дел (в том числе о защите деловой репутации), этих проблем не решили.

Разграничение деловой репутации на связанную и не связанную с предпринимательской деятельностью отражено в процессуальных нормах. В частности, в п. 5 ч. 1 и ч. 2 ст. 33 АПК РФ (а с 1 сентября 2016 года — п. 7 ч. 6 ст. 27, см. комментарий к преамбуле) определено, что дела о защите деловой репутации, возникающие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, подведомственны арбитражным судам независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникло дело, юридические лица, граждане-предприниматели или иные организации и граждане. На этом основании ранее в п. 3 постановления Пленума ВС РФ № 3 разъяснено, а в п. 1 комментируемого Обзора подтверждено, что

спор о защите деловой репутации, сторонами которого являются юридические лица или индивидуальные предприниматели, но не связанный с осуществлением упомянутой деятельности, подведомствен суду общей юрисдикции.

Судебной практике известны разнообразные случаи ошибочного определения заявителями компетентного суда при подаче заявления о защите деловой репутации. Некоторые из них связаны с организационно-правовым статусом или функциями субъекта нарушенных прав, не имеющими отношения к осуществлению предпринимательской (экономической) деятельности, вследствие чего нельзя прийти к выводу о наличии у него деловой репутации в данной сфере (например, иски управления муниципальной полиции к редакции газеты, профсоюза – к управлению внутренних дел).

Так, если распространенные сведения связаны с исполнением государственными (муниципальными) органами или учреждениями своих публично-правовых функций, спор о защите деловой репутации не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.

- Примером может служить дело, в котором федеральное государственное учреждение обратилось с иском к редакции газеты о защите деловой репутации (п. 12 Обобщения АС Свердловской области). В обоснование иска истец ссылаясь на то, что изложенные в газетной публикации сведения о неудовлетворительной работе санитарно-эпидемиологической службы не соответствуют действительности, в связи с чем порочат ее деловую репутацию. Суд установил, что деятельность учреждения относится к исполнению органами санитарно-эпидемиологического надзора функций, возложенных на них государством, и не относится к предпринимательской деятельности. С учетом этого суд пришел к правомерному выводу о том, что сведения, опубликованные ответчиком в спорной статье, не затрагивают репутацию истца в сфере предпринимательской деятельности, вопрос о защите деловой репутации возник из отношений, не связанных с его экономической деятельностью, вследствие чего спор не подлежит рассмотрению в арбитражном суде.
- В другом случае организация обратилась с иском к исследовательскому центру об опровержении опубликованных сведений и о взыскании компенсации за причиненный деловой репутации вред (из Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о защите деловой репутации, подготовленного АС Амурской области; далее – Обобщение АС Амурской области). Производство по делу было прекращено судом проверочной инстанции, поскольку оспариваемые сведения не связаны с предпринимательской и иной экономической деятельностью организации, а затрагивают отношения в сфере организации спорта. Суд установил, что приведенные в газете высказывания по своему содержанию имеют агитационный характер, определенным образом влияющий на политическую репутацию руководителя организации, участвующего в выборах.

В связи со сказанным необходимо отметить следующее.

В ранее выпущенных работах мы уже обращали внимание на то, что в отечественном праве нет единства в понимании деловой репутации [6; 7]. Это обуслов-

лено тем, что один и тот же термин «деловая репутация» используется в отношении нескольких разновидностей репутации.

Во-первых, термином «деловая репутация» часто обозначают профессиональную репутацию, под которой понимается авторитет гражданина или организации в профессиональной среде. Такой авторитет (профессиональная репутация) «зарабатывается» в сообществе специалистов в соответствующей области (наука, искусство, ремесло, промысел и проч.), которые и могут дать реальную оценку профессиональным знаниям и навыкам (компетенции) упомянутых лиц.

Во-вторых, тем же термином принято именовать и репутацию в бизнес-среде. Эта разновидность деловой репутации характерна только для субъектов коммерческой (предпринимательской) деятельности и обычно включает в себя не только (и не столько) оценку управленческих способностей коммерсанта (либо команды менеджеров компании), но и профессиональную репутацию как самой организации, так и ее менеджмента, а также лица, олицетворяющего эту организацию (создателя основного продукта компании, главы компании и т.п.).

В-третьих, термин «деловая репутация» используется и в отношении служебной репутации, под которой понимается оценка соответствующих профессиональных качеств граждан, деятельность которых не связана с предпринимательством, то есть, как правило, государственных служащих, сотрудников организаций различных форм собственности, государственных и муниципальных учреждений и проч.

В-четвертых, в законодательстве сказано о деловой репутации гражданина (например, в п. 1 ст. 152 ГК РФ закреплено право гражданина требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений) без уточнения, идет речь о гражданине-предпринимателе либо об обычном гражданине. Это создает неопределенность в отношении субъектного состава лиц, обладающих правом требовать защиты деловой репутации.

Вследствие указанного крайне неудачным представляется термин «деловая репутация»: он используется законодателем (а затем и учеными, и практиками) для обозначения не только собственно деловой репутации (репутации в бизнес-среде), но и служебной, и профессиональной репутации, да и репутации вообще, при том что формально положения о деловой репутации должны применяться лишь к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Думается, что в ГК РФ и других законодательных актах следовало бы отказаться от использования выражения «деловая репутация», заменив его термином «репутация». Такой подход позволил бы эффективно использовать законодательные положения в соответствии с заложенным в них смыслом и существенно облегчил бы правоприменительную работу судов.

2. К компетенции арбитражных судов относится рассмотрение дел о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности независимо от субъектного состава участников спорных отношений.

Общество и гражданин З. обратились в арбитражный суд с иском к компании и А. о признании недействительными и порочащими деловую репутацию истцов сведений, изложенных в обращении А.

Свои требования истцы обосновывали тем, что А., являясь председателем совета директоров компании, направил обращение в адрес полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе. В данном обращении содержалось указание на то, что гражданин З. возглавляет рейдерскую группу по захвату компании в интересах общества как хозяйствующего субъекта.

Ответчики заявили ходатайства о прекращении производства по делу в связи с тем, что спор не подлежит рассмотрению арбитражным судом.

Отказывая в удовлетворении ходатайства, арбитражный суд первой инстанции исходил из следующего.

В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 33 АПК РФ к специальной подведомственности арбитражных судов отнесены дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Согласно части 2 данной статьи указанные дела рассматриваются арбитражным судом независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, индивидуальные предприниматели или иные организации и граждане.

Из названных норм права следует, что критерием отнесения дел о защите деловой репутации к подведомственности арбитражного суда является характер оспариваемых сведений.

Поскольку оспариваемые сведения относятся к экономической деятельности общества и служебной деятельности гражданина З., являющегося заместителем генерального директора по коммерческим вопросам общества, касаются вопроса производственно-хозяйственной деятельности общества, следовательно, данный спор подведомствен арбитражному суду <1>.

<1> Решение Арбитражного суда Архангельской области от 19 июня 2013 г. № А05-3782/2013.

В другом деле общество Х. обратилось в арбитражный суд с иском к обществу Y., профсоюзной организации об обязанности общества Y. опровергнуть информацию, не соответствующую действительности и порочащую деловую репутацию истца, содержащуюся на официальном интернет-сайте общества Y.; об обязанности профсоюзной организации опровергнуть информацию, не соответствующую действительности и порочащую деловую репутацию истца, размещенную в газетной статье, а также о взыскании с общества 100 тыс. руб. в возмещение ущерба.

Как установлено судом, на официальном интернет-сайте общества Y. опубликована статья о том, что общество Х. отказывается выполнять условия отраслевого соглашения, предпринимает попытки уклониться от выполнения своих обязательств перед работниками, не согласовывает пункты коллективного договора по повышению и индексации заработной платы, выплатам семье работника, погибшего на производстве.

Прекращая производство по делу, арбитражный суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, пришел к выводу о неподведомственности дела арбитражному суду, поскольку данный спор возник из трудовых

отношений и не связан с осуществлением обществом Х. предпринимательской или иной экономической деятельности.

Проверив дело в кассационном порядке, арбитражный суд округа оставил состоявшиеся по делу судебные акты без изменения, сославшись на то, что иски о защите деловой репутации юридического лица, не связанные с его предпринимательской или иной экономической деятельностью, не подлежат рассмотрению по существу арбитражными судами.

Судами установлено, что оспариваемые сведения опубликованы в связи с исполнением обществом отраслевых тарифных соглашений и включением их положений в коллективный договор с работниками.

Принимая во внимание, что при рассмотрении вопроса о соответствии распространенных ответчиками сведений действительности подлежат применению нормы трудового законодательства, касающиеся системы взаимоотношений между работниками, работодателями, направленной на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, суды пришли к правильному выводу о том, что в данном случае спор о защите деловой репутации общества возник из отношений, не связанных с его предпринимательской или иной экономической деятельностью, и находится в сфере трудовых отношений.

Кроме того, арбитражный суд округа отметил, что одной из сторон в споре выступает профсоюзная организация, которая в силу статьи 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» является добровольным общественным объединением граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемым в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов и не относящимся к субъектам предпринимательской и иной экономической деятельности.

С учетом изложенного арбитражные суды правомерно прекратили производство по делу на основании пункта 1 части 1 статьи 150 АПК РФ как не подлежащему рассмотрению в арбитражном суде <1>.

<1> Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 июля 2012 г. по делу № А60-37772/2011.

Такой подход судов к определению подведомственности дел с учетом положений пункта 1 части 1 и части 4 статьи 22 ГПК РФ, пункта 5 части 1 статьи 33 АПК РФ и разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», следует учитывать также при рассмотрении требований индивидуальных предпринимателей, включая требования о компенсации морального вреда, причиненного их чести, достоинству и деловой репутации.

При этом для решения вопроса о том, в каком суде подлежит рассмотрению иск индивидуального предпринимателя о защите чести, достоинства и деловой репутации, необходимо установление того, в каком качестве заявитель требует опро-

вержения порочащих сведений – как субъект предпринимательской деятельности либо как физическое лицо.

Комментарий к п. 2 Обзора

Данный пункт комментируемого Обзора представляет собой «оборотную сторону» п. 1. Как и в предыдущем случае, в п. 2 обращается внимание на единственный значимый при определении подведомственности спора критерий – сферу деятельности лица, ищущего судебной защиты, в которой сложилась опороченная, по его мнению, деловая репутация.

Правда, не вполне корректным представляется утверждение, приведенное в качестве итога анализа норм п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК РФ и ч. 2 той же статьи: «Из названных норм права следует, что критерием отнесения дел о защите деловой репутации к подведомственности арбитражного суда является характер оспариваемых сведений». Содержание упомянутых статей прямо указывает на сферу деятельности заявителя, в рамках которой сформировалась его деловая репутация и предположительно произошло нарушение прав: «Арбитражные суды рассматривают дела... о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Что касается характера оспариваемых сведений, они могут быть достоверными или ложными (вымышленными), порочащими или объективными, конфиденциальными или общедоступными и т.д., что не имеет значения при определении границ судебной подведомственности. Сами по себе сведения не носят экономического или неэкономического характера в отличие от деятельности заявителя, которая стала предметом освещения, что и является юридически значимым признаком при определении компетентного для рассмотрения дела о защите деловой репутации суда.

Рассматривая вопрос специальной подведомственности дел о защите деловой репутации, нельзя обойти вниманием и ситуации, когда ответчиком (одним из ответчиков) по делу выступает физическое лицо – автор публикации или иного материала, размещенного в СМИ и порочащего деловую репутацию заинтересованного лица, обратившегося с соответствующим иском в суд.

С учетом сказанного положения п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 33 АПК РФ (а с 1 сентября 2016 года – п. 7 ч. 6 ст. 27), определяющие критерием разграничения подведомственности дел рассматриваемой категории исключительно сферу отношений, из которых возник судебный спор, дают основания говорить о том, что при защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности дело подведомственно арбитражному суду даже в том случае, если одним из ответчиков выступает гражданин (граждане), о чем говорилось в комментарии к преамбуле.

Вследствие сказанного в современных условиях не могла сохранять силу сформулированная в п. 10 Обзора ВАС РФ 1999 года позиция о неподведомственности арбитражным судам дела данной категории в случае, если опубликованные сведения имеют автора.

Относительно применения правил специальной подведомственности при принятии последнего АПК РФ была разъяснена необходимость учитывать то обстоятельство, что дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской

и иной экономической деятельности подлежат рассмотрению в арбитражных судах и в случае привлечения к участию в деле гражданина, не имеющего статуса индивидуального предпринимателя, в том числе автора распространенных (опубликованных) сведений (п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»).

Данная правовая позиция находила отражение и ранее в практике ВАС РФ при пересмотре судебных актов в порядке надзора (см., например, постановление Президиума ВАС РФ от 07.06.2005 № 1585/05), и в новейшей судебной практике нижестоящих инстанций. ВС РФ также специально обратил внимание на неподведомственность суду общей юрисдикции дела о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, несмотря на участие в нем физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем (см. п. 3 постановления Пленума ВС РФ № 3).

Однако в судебной практике все еще встречаются случаи, когда судьи требуют от истца обосновать подведомственность арбитражному суду дела по иску о защите деловой репутации юридического лица в связи с осуществлением экономической деятельности в части привлечения им в качестве ответчика (соответчика) гражданина (автора).

3. Факт распространения не соответствующих действительности, порочащих честь и достоинство сведений может быть подтвержден любыми доказательствами, отвечающими требованиям относимости и допустимости.

В практике судов имели место случаи отказа в удовлетворении исковых требований в связи с тем, что истцы не имели возможности доказать факт распространения порочащих сведений посредством трансляции, например, на каналах телерадиовещания, поскольку ко времени обращения в суд истек срок хранения материалов передач, вышедших в эфир, в архивах телевизионных или радиовещательных компаний. При этом суды ошибочно расценивали такие материалы как единственно допустимые доказательства, подтверждающие содержание оспариваемых сведений, а газеты и журналы, в которых напечатана программа, – единственным доказательством факта ее распространения.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (пункт 7) указал на то, что федеральными законами не предусмотрено каких-либо ограничений в способах доказывания факта распространения сведений через телекоммуникационные сети (в том числе, через сайты в сети «Интернет»), поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу статей 55 и 60 ГПК РФ вправе принимать любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством.

Так, разрешая исковые требования о защите чести, достоинства и деловой репутации, суд признал доказанным истцом факт распространения ответчиком оспариваемых выражений в телепередаче. Записью этой телепередачи истец не располагал, поскольку она не сохранилась в архиве редакции средства массовой

информации. Однако факт выхода телепередачи в эфир и ее содержание были установлены судом на основании иных представленных истцом доказательств, а именно: видеозаписи указанного материала на компакт-диске, показаний свидетеля, который пояснил, что указанную видеозапись он произвел с помощью ТВ-тюнера во время трансляции телепередачи, сообщения телерадиовещательной компании о факте выхода телепередачи, показаний свидетелей о факте выхода указанной программы и произнесения ответчиком оспариваемых высказываний.

В другом деле в качестве доказательства, подтверждающего факт распространения сведений в отношении истца, судом первой инстанции была принята справка юридического лица, представляющего услуги по мониторингу средств массовой информации, согласно которой рассматриваемая телепередача действительно транслировалась в указанное время и содержала оспариваемые сведения.

Определенные сложности возникают у истцов и с представлением доказательств, подтверждающих факт распространения порочащих сведений в сети «Интернет».

Судебная практика показывает, что лица, оспаривающие информацию диффамационного характера, размещенную в сети «Интернет», до подачи иска в целях фиксации соответствующей интернет-страницы, как правило, обращаются к нотариусу за удостоверением ее содержания на основании статьи 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.

В качестве предварительной обеспечительной меры это позволяет оперативно сохранить спорную информацию, которая в любой момент может быть удалена разместившим ее автором. При этом необходимо учитывать, что в силу части 5 статьи 61 ГПК РФ, части 5 статьи 69 АПК РФ обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в установленном порядке.

С момента возбуждения дела в суде общей юрисдикции, арбитражном суде не исключается возможность обеспечения доказательств и судьей по заявлению заинтересованного лица (статьи 64-66 ГПК РФ, статья 72 АПК РФ).

Комментарий к п. 3 Обзора

В преамбуле к комментируемому Обзору указывалось, что решение об удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации выносится судом в случае установления совокупности трех условий:

- сведения носят порочащий характер;
- сведения были распространены;
- распространенные сведения не соответствуют действительности.

При этом вновь подтверждено распределение бремени доказывания по делам данной категории, на которое было указано в п. 9 постановления Пленума ВС РФ № 3:

- истец (заявитель) обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, и порочащий его деловую репутацию характер этих сведений;

— ответчик должен опровергнуть презумпцию несоответствия распространенных сведений действительности, то есть доказать обратное — соответствие действительности этих сведений, что исключит возможность удовлетворения в отношении него иска.

Причем ответчик освобождается от бремени представления доказательств, если оспариваемые факты установлены вступившим в законную силу судебным решением.

Несмотря на давность и четкость сформулированной ВС РФ позиции относительно того, какие обстоятельства по делам указанной категории подлежат доказыванию, суды нередко перераспределяют обязанности сторон либо расширяют предмет доказывания по делу, выходя за рамки требований закона. Например, на ответчика безосновательно возлагается обязанность доказать, что распространенные сведения не носят порочащий характер, а на истца — подтвердить доказательствами факт несоответствия распространенных сведений действительности (при наличии в деле ответчика). Это требование прямо противоречит нормам ст. 152 ГК РФ, разъясненным высшим судом, и не подлежит исполнению.

При рассмотрении исков об опровержении сведений и взыскании морального (репутационного) вреда зачастую от истца требуют представления объективных (фактических) данных о результате (последствиях) распространения порочащих сведений: каким именно образом пострадало сложившееся у других лиц мнение о его профессиональных качествах или деловой репутации (например, постановления ФАС Центрального округа от 23.01.2014, Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.10.2013 и решение АС Калужской области от 26.07.2013 по делу № А23-571/2013); какие физические или нравственные страдания были ему причинены, как это повлияло на состояние его здоровья или психики, какие претензии и упреки были ему адресованы после распространения сведений и проч. (постановление ФАС Уральского округа от 18.07.2014 № Ф09-4293/14 по делу № А60-25084/2013).

С данным подходом невозможно согласиться. Установление фактически понесенного (объективно выраженного) урона и наличия причинно-следственной связи между ним и распространением порочащих сведений в отношении истца входит в предмет доказывания лишь при рассмотрении требования о возмещении убытков, но не морального вреда гражданину (вопросы возмещения репутационного вреда юридическим лицам заслуживают самостоятельного рассмотрения). В последнем случае достаточными обстоятельствами являются порочащий характер распространенных в отношении истца сведений и их несоответствие действительности. Распространение заведомо ложной информации о нарушении лицом закона, о его недостойном поведении, об аморальных и иных порочных характеристиках личности умышленно направлено на умаление его чести, достоинства, деловой репутации. От степени эффективности достижения этой противоправной цели не зависит как таковая необходимость защиты нематериального блага. От того, как сильно пострадали репутация и облик истца в глазах общества, насколько существенно это повлияло на его жизнь или деятельность, может зависеть размер компенсации, но не сама возможность ее присуждения.

Иногда в судебной практике возникает вопрос об основаниях установления факта распространения ответчиком оспариваемых сведений в случае их размещения в социальных сетях.

Например, городской суд отказал истцу в удовлетворении заявленных требований в связи с недоказанностью факта распространения ответчиком сведений, носящих порочащий характер. Судебная коллегия по гражданским делам ВС Республики Карелия отменила решение суда первой инстанции и удовлетворила иск, указав, что размещение от имени ответчика на его странице в социальной сети порочащей истца информации свидетельствует об авторстве ответчика. В соответствии с п. 4.10 Правил пользования сайтом социальной сети, находящимся в общем доступе, если пользователем не доказано обратное, любые действия, совершенные с использованием его логина и пароля, считаются совершенными соответствующим пользователем. В случае несанкционированного доступа к логину и паролю и (или) персональной странице пользователя или распространения логина и пароля пользователь обязан незамедлительно сообщить об этом администрации сайта в установленном порядке. Совокупностью имеющихся в деле доказательств – размещением информации, которой владел ответчик, но которая не была известна широкому кругу лиц, принятием ответчиком мер, связанных с несанкционированным доступом к его логину и паролю, – был опровергнут довод ответчика о том, что его аккаунт был взломан и оспариваемая истцом информация размещена на странице ответчика в социальной сети третьими лицами (апелляционное определение ВС Республики Карелия от 22.03.2013 № 33-822/2013).

Примечательно, что факт распространения оспариваемых сведений в сети Интернет, подтвержденный протоколом осмотра доказательств нотариусом, суды, как правило, признают без колебаний (см. решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24.03.2016 по делу № А75-10040/2015). Более того, в настоящее время факты издевательств и оскорблений в сети Интернет (в том числе в социальных сетях), удостоверенные нотариусом, также признаются подтвержденными должным образом.

Предоставление в качестве доказательств незаверенных скринов страниц сайтов в настоящее время не признается надлежащим доказательством.

Так, общество обратилось в суд с заявлением о признании не соответствующими действительности и порочащими его деловую репутацию сведений, размещенных на веб-сайте, и об обязанности Управления Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций заблокировать страницу, содержащую указанные сведения.

Суды первой и апелляционной инстанций не установили факта нарушения деловой репутации истца, кассационный суд не усмотрел оснований для отмены принятых ими судебных актов. В числе прочих мотивов он отметил, что в подтверждение факта распространения оспариваемых сведений истцом представлены незаверенные копии интернет-страницы, и признал их ненадлежащим доказатель-

ством по делу (постановление АС Северо-Западного округа от 29.10.2015 по делу № А56-3594/2015).

Вместе с тем факты распространения диффамационных сведений в сети Интернет могут быть установлены самим судом, рассматривающим дело, путем непосредственного осмотра сайта (страницы). Но для этого заявителю необходимо подать соответствующее ходатайство — по собственному усмотрению суд не может это инициировать. При удовлетворении подобного ходатайства об осмотре доказательств суд и стороны с помощью компьютера, подключенного к сети Интернет, обозревают соответствующую страницу (страницы) сайта, где размещена информация, которая истцом характеризуется как диффамационная. О результатах осмотра составляется протокол.

Подтверждением сказанного является указание в комментируемом пункте Обзора на то, что в ходе судебного процесса сам судья (состав суда), рассматривающий дело, полномочен принимать меры по обеспечению доказательств по заявлению заинтересованного лица.

До издания Обзора, как свидетельствует практика, суды не всегда стремились реализовывать предоставленные им процессуальным законом полномочия.

Так, в деле о защите деловой репутации ответчик заявил ходатайство об обеспечении доказательства — размещенной в сети Интернет презентации, опубликованной на официальном сайте МАГАТЭ среди материалов заседания. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд первой инстанции пришел к выводу, что заявитель не доказал необходимость принятия такой меры, а какая-либо информация о реальной угрозе невозможности или затруднительности представления доказательств по делу отсутствует. Ответчик ссылался на то, что невозможность либо затруднительность представления данного доказательства обусловлены самой спецификой сети Интернет и связаны, прежде всего, с тем, что в любой момент в ходе рассмотрения дела в суде информация, размещенная на интернет-сайте, может быть удалена либо оказаться недоступной.

Апелляционный суд не нашел оснований для удовлетворения жалобы. Ссылаясь на нормы процессуального закона и разъяснения ВАС РФ об общих правилах принятия обеспечительных мер, он указал на отсутствие каких-либо доказательств того, что презентация либо материалы заседания могут быть безвозвратно утрачены либо уничтожены. Как заметил суд, заявителем ходатайства не представлены доказательства того, что МАГАТЭ собирается предпринять меры по удалению размещенной в сети Интернет презентации (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.03.2015 по делу № А40-104449/14).

С учетом доводов мотивировочной части судебного акта можно предположить, что суд апелляционной инстанции, вероятно, рассмотрел бы в качестве доказательств обоснованности ходатайства официальное признание МАГАТЭ невозможности удаления с сайта интересующей ответчика информации либо заверение о планируемой длительности срока ее размещения, а также разъяснение вопроса о потенциальной возможности публикации материалов заседания на бумажных

носителей. Однако ответчик, что не удивительно, с подобным запросом в международную организацию в процессе рассмотрения дела не обращался.

Представляется, что указанный подход свидетельствует не о невозможности принятия обеспечительных мер в отношении доказательств, размещенных в сети Интернет, а о создании искусственных бюрократических препятствий для использования данного процессуального института на практике.

4. Отсутствие хотя бы одного обстоятельства из обязательной совокупности условий для удовлетворения иска (сведения должны носить порочащий характер, быть распространены и не соответствовать действительности) является основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Практика рассмотрения дел о защите чести, достоинства и деловой репутации показывает, что причинами отмены принятых по делам рассматриваемой категории судебных актов нередко являются нарушения норм процессуального права, выражающиеся в неисследовании судами существенных обстоятельств дела и отсутствии оценки представленных по делу доказательств.

Например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными судебные акты, вынесенные при рассмотрении дела по иску Б. и Г. к газете о защите чести, достоинства, деловой репутации, о возложении обязанности опровергнуть не соответствующие действительности сведения, взыскании компенсации морального вреда.

Удовлетворяя заявленные требования, судебные инстанции исходили из обоснованности заявленных требований, поскольку оспариваемые истцами фрагменты газетной публикации содержали утверждения о создании Г. с ведома и при поддержке Б. плагиата диссертационной работы, фальсификации отраженных в научном труде сведений, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию Б. и Г.

Отменяя состоявшиеся по данному делу судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, как принятые с существенным нарушением норм процессуального права, Судебная коллегия указала следующее.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом. Сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации.

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснено, что по делам данной категории необходимо иметь в виду, что обстоятельствами, имеющими в силу статьи 152 ГК РФ значение для дела, которые должны

быть определены судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства, являются: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности. При отсутствии хотя бы одного из указанных обстоятельств иск не может быть удовлетворен судом.

Между тем судами не было установлено, соответствуют ли утверждения о плагиате действительности. Для установления данного юридически значимого обстоятельства судам следовало дать оценку текстам диссертационных исследований.

Оспариваемые судебные постановления результатов такой оценки не содержали, что свидетельствовало о ненадлежащем рассмотрении судами заявленных в рамках данного дела исковых требований и нарушении тем самым положений статей 56, 196 и 198 ГПК РФ, возлагающих на суд обязанность определить обстоятельства, имеющие значение для дела, отразить в решении доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, и доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства <1>.

<1> *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2014 г. № 5-КГ14-95.*

По другому делу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, частично отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления, указала, что, признав не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию Х. такие сведения, как «... имеются все основания полагать, что этот самый черный «мерс» ЛУКОЙЛа выехал на встречную и раздавил женщин в «ситроене», суд не установил, распространены ли эти сведения о Х. и каким образом эти сведения порочат его честь, достоинство и деловую репутацию <1>.

<1> *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2012 г. № 5-В12-22.*

Комментарий к п. 4 Обзора

Процессуальный закон возлагает на суд, рассматривающий дело, обязанность правильного определения всех обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора, их непосредственного исследования и оценки по отдельности и во взаимосвязи (в совокупности) с последующим отражением в решении мотивов признания каждого из них установленным или не установленным, принятия или отклонения доводов и доказательств, приведенных сторонами в процессе их доказывания.

При этом (на что обратил внимание и Верховный Суд РФ) зачастую практика идет по пути сокращения этапа исследования предмета доказывания по делу и формулирования мотивов, по которым суд, рассматривающий дело, считает данный предмет полностью исследованным.

Справедливости ради стоит отметить, что отчасти такая негативная практика была вызвана буквальным пониманием позиции самого ВС РФ, сформулированной в постановлении Пленума № 3 (п. 7) и продублированной в комментируемом

пункте Обзора: «отсутствие хотя бы одного обстоятельства из обязательной совокупности ... является основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований».

Руководствуясь приведенной позицией, суды нередко прекращают исследовать иные обстоятельства, входящие в предмет доказывания, как только в ходе разбирательства дела придут к предварительному выводу об отсутствии хотя бы одного из перечисленных Верховным Судом РФ обстоятельств. Отчасти такой подход понятен: если в результате исследования всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, суд убедится в отсутствии необходимой «совокупности» условий для защиты деловой репутации (ввиду выпадения хотя бы одного ее элемента), он должен отказать в удовлетворении требований. Следовательно, если отсутствие одного из элементов этой совокупности выявляется в ходе судебного разбирательства, исследование остальных может показаться априори бесполезным.

В связи с этим Верховный Суд РФ обратил особое внимание судей на недопустимость игнорирования требований процессуального закона и напомнил, что несоблюдение этих требований выступает основанием для отмены судебного акта, поскольку свидетельствует о ненадлежащем рассмотрении судом дела.

Суд обязан правильно определить обстоятельства, имеющие значение для дела, оценить достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности; оценить доводы, приведенные лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений; определить, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены и какие обстоятельства не установлены; указать мотивы, по которым он отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле, и др.

Представляется противоречащим самой сути права на судебную защиту, на справедливое судебное разбирательство формальный подход, при котором исследование судом одного факта нарушения материального права лица (на который оно ссылается) не имеет правового значения и не требует установления судом ввиду отсутствия другого факта и невозможности признания наличия их «совокупности». При этом процессуальные нормы о преюдициальном значении фактов в принципе лишаются какого-либо практического смысла, если эти факты не получают ни судебного исследования, ни подтверждения или опровержения, ни фиксации в судебном акте.

Обращает на себя внимание и тесная взаимосвязь обстоятельств, входящих в состав предмета доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Для установления порочащего характера оспариваемых сведений необходимо уяснить, распространял ответчик их намеренно с заведомой целью опорочить репутацию истца (представить его в неблагоприятном образе), либо вследствие ошибки (передачи непроверенной информации от третьего лица), либо такое распространение произошло в результате законного обращения к органам государственной власти. Для вывода о наличии в оспариваемых сведениях утверждения о фактах или оценочного суждения необходимо установить наличие или отсутствие у ответчика возможности проверить оспариваемые сведения

на предмет их соответствия действительности, в том числе предпринятые меры по проверке с учетом фактических обстоятельств их распространения.

Отсутствие лишь одного обстоятельства, входящего в предмет доказывания, еще не свидетельствует о том, что остальные обстоятельства не имеют значения для правильного разрешения дела по существу. А если вывод об отсутствии «недостающего» элемента сделан ошибочно, игнорирование остальных обстоятельств делает судебную защиту иллюзорной. Это подтверждает и судебная практика (см., например, постановления АС Уральского округа от 08.09.2014 № Ф09-4488/14 по делу № А60-36819/2013, ФАС Московского округа от 25.06.2010 № КГ-А41/6090-10 по делу № А41-27908/09).

Кроме того, исследование остальных, помимо «отсутствующего», обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, может иметь самостоятельное правовое значение. В частности, даже в случае недоказанности порочащего характера оспариваемых сведений установление судом факта их несоответствия действительности (и закрепление данного вывода в судебном акте) уже само по себе предоставляет защиту лицу, чьи права нарушены распространением в отношении него лжи и вымыслов. Аналогичная защита может быть истребована на основании норм п. 10 ст. 152 ГК РФ, что несколько не умаляет возможность ее получения «по остаточному принципу»: предмет доказывания по делу об опровержении порочащих сведений полностью поглощает предмет доказывания по делу о признании сведений не соответствующими действительности.

При рассмотрении вопроса о совокупности обстоятельств, подлежащих выяснению судом по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, необходимо четко разграничивать три самостоятельных подхода к судебному доказыванию, различающихся в зависимости от юридического основания защиты, избранного заявителем.

1. При обращении с требованием об опровержении порочащих сведений на основании норм п. 1 ст. 152 ГК РФ, исходя из данного Верховным Судом РФ разъяснения, удовлетворение иска возможно лишь при одновременном соблюдении следующих условий:

- суд установил на основе представленных истцом доказательств порочащий характер распространенных о нем сведений;
- истец подтвердил доказательствами факт их распространения ответчиком;
- ответчик не доказал факт соответствия оспариваемых сведений действительности.

Таким образом, негативные данные о личности, поведении, профессиональной деятельности и деловых качествах лица при условии их соответствия действительности не будут рассматриваться как сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию истца. В свою очередь недостоверные сведения не будут квалифицированы как порочащие, если они имеют оценочный (субъективный) характер и не представляют собой утверждение ответчика о факте, который может быть проверен.

2. Если личность нарушителя при этом неизвестна (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений

в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать, и др.), потерпевшее лицо вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, не соответствующими действительности на основании п. 8 ст. 152 ГК РФ. Совокупность обстоятельств, позволяющая удовлетворить данное требование, включает в себя:

- доказанный заявителем порочащий его честь, достоинство или деловую репутацию характер сведений;
- подтвержденный доказательствами факт их распространения (в письмах, адресованных конкретному лицу или организации, либо общедоступным способом);
- доказанный заявителем факт несоответствия оспариваемых сведений действительности (что обусловлено отсутствием в деле процессуальной фигуры ответчика).

Ранее Верховный Суд РФ разъяснил возможность использования такого способа защиты в неисковом процессуальном порядке – особом производстве – ввиду отсутствия в деле ответчика (п. 2 постановления Пленума ВС РФ № 3).

3. Внесенные Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ изменения в ст. 152 ГК РФ позволяют говорить о новом способе защиты, реализуемом посредством заявления требования об опровержении не соответствующих действительности сведений.

При обращении с таким требованием на основании норм п. 10 ст. 152 ГК РФ для его удовлетворения достаточно соблюдения двух условий:

- подтвержденный доказательствами факт распространения сведений в отношении заявителя (при этом не имеет принципиального значения наличие или отсутствие возможности установить личность нарушителя);
- доказанное заявителем несоответствие этих сведений действительности.

Из формулировки п. 10 ст. 152 ГК РФ о «любых» сведениях прямо следует, что судебная защита в таком случае обеспечивается независимо от наличия или отсутствия признаков порочащего характера. Иными словами, требование об опровержении может быть заявлено и в ситуации, когда распространенные сведения не порочат репутацию заявителя, но просто не соответствуют действительности.

В силу прямого указания закона бремя доказывания фокусируется на заявителе, но предмет доказывания по делу претерпевает изменения. Заявителю здесь не требуется доказывать ни порочащий характер сведений, ни факт их распространения конкретным ответчиком, ни невозможность установить личность последнего. Его обязанности исчерпываются представлением доказательств недостоверности сведений о нем, сообщенных конкретному лицу (к примеру, контрагенту) или широкой общественности.

Итак, хотя в п. 10 ст. 152 ГК РФ предусмотрена применимость к подобным случаям правил пп. 1-9 той же статьи, при выборе такой линии защиты для удовлетворения требования совокупность обозначенных ВС РФ обстоятельств не применяется. Отказ в удовлетворении данного иска по мотиву недоказанности истцом порочащего характера оспариваемых сведений будет незаконным.

Кроме того, в этом случае имеются исключения из правовой позиции Верховного Суда РФ, высказанной в отношении особого порядка рассмотрения заявлений о признании сведений не соответствующими действительности (п. 2 постановления Пленума ВС РФ № 3). Как было отмечено ранее, использование второго из перечисленных средств защиты предполагается лишь при невозможности установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию. В новой редакции ст. 152 ГК РФ (дополненной п. 10) четко разграничены подобный случай и возможность судебной защиты от распространения любых недостоверных сведений. В последнем случае внимание привлечено не к субъектному составу, а к объективной стороне гражданского правонарушения — распространению ложных (недостоверных, противоречащих действительности) сведений.

Сказанное, а также тот факт, что заявитель ограничен в выборе лишь некоторых дополнительных способов защиты (в частности, в силу закона он не вправе требовать компенсации морального вреда, но не взыскания убытков), позволяет сделать вывод, что рассмотренный способ защиты чести, достоинства и деловой репутации может быть использован не только при отсутствии ответчика, но и при его известности заявителю. В последнем случае дело подлежит рассмотрению в общем порядке искового производства.

Представляется, что разъяснения Верховного Суда РФ о надлежащем процессуальном порядке рассмотрения требования о признании распространенных сведений не соответствующими действительности нуждаются в уточнении.

Сравнительный анализ трех самостоятельных подходов к судебному доказыванию, различающихся в зависимости от средства правовой защиты, избранного заявителем, позволяет прийти к выводу о недопустимости буквального (бездумного) следования тезису относительно обязательной совокупности условий для удовлетворения иска и последствий отсутствия одного из элементов этой совокупности.

С учетом содержания и смысла проанализированных норм пп. 1, 8 и 10 ст. 152 ГК РФ для реализации каждого из трех предусмотренных ими средств защиты чести, достоинства и деловой репутации существует своя «совокупность обстоятельств».

При этом нетрудно заметить, что обязательными для всех случаев обстоятельствами являются лишь два:

- факт распространения сведений в отношении заявителя;
- несоответствие этих сведений действительности.

Необходимость установления остальных обстоятельств для признания наличия «обязательной совокупности», достаточной для удовлетворения требований, зависит от того, какой именно из рассмотренных вариантов судебной защиты был избран заявителем.

В связи с этим представляется верным начинать рассмотрение дела данной категории с определения подлежащей выяснению «модели» предмета судебного доказывания, а впоследствии — выяснения обязательных именно для нее обстоятельств.

5. При решении вопроса о том, носят ли оспариваемые истцом сведения порочащий характер, а также для оценки их восприятия с учетом того, что распространенная информация может быть доведена до сведения третьих лиц

различными способами (образно, иносказательно, оскорбительно и т.д.), судам в необходимых случаях следует назначать экспертизу (например, лингвистическую) или привлечь для консультации специалиста (например, психолога).

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления об отказе в удовлетворении требований Т. к Ю., К. и газете о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда, в том числе указала, что оценка фактов, относящихся к делу о распространении той или иной информации, исходя из значимости в жизни общества права на свободу мысли, совести и религии предполагает необходимость при рассмотрении дела судом использования специальных знаний, что требует проведения экспертизы. Выводы суда должны быть основаны на определенных доказательствах (например, заключении эксперта), результаты оценки которых суд обязан отразить в решении (часть 4 статьи 67 ГПК РФ). Такие требования процессуального закона не были выполнены судом при рассмотрении данного дела <1>.

<1> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 августа 2014 г. № 5-КГ14-51.

В другом деле, отменяя апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, которым было отменено решение суда первой инстанции об удовлетворении иска Д. к конкурсному управляющему, газете о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда и постановлено новое решение, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

С учетом положений статьи 10 Конвенции и статьи 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующих каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позиций Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности (пункт 9 постановления Пленума от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»).

При рассмотрении дел о защите чести и достоинства одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, является характер распространенной информации, то есть установление того, является ли эта информация утверждением о фактах либо оценочным суждением, мнением, убеждением.

Согласно части 2 статьи 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

Следовательно, по данному делу суду надлежало установить, являлись ли выражения в статье, высказанные конкурсным управляющим, утверждениями о фактах либо высказывания ответчика представляли собой выражение его субъективного мнения.

Статьей 195 ГПК РФ установлены требования к решению суда, в соответствии с которой решение суда должно быть законным и обоснованным.

Верховный Суд Российской Федерации в пункте 3 постановления Пленума от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» разъяснил, что решение может считаться законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Статьей 60 ГПК РФ предусмотрено, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

В силу части 1 статьи 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу.

Определение характера распространенной информации для отнесения этой информации к утверждениям о фактах или к оценочным суждениям, мнениям, убеждениям требует специальных знаний в области лингвистики.

Исходя из изложенного, по данному делу суду для установления характера распространенной конкурсным управляющим информации необходимо было назначить по делу лингвистическую экспертизу.

Между тем судом этого сделано не было. Ответчиком заявлялось ходатайство о назначении по делу лингвистической экспертизы, однако в его удовлетворении было отказано, что повлекло за собой вынесение незаконного судебного акта <1>.

<1> *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 60-КГ14-4.*

Комментарий к п. 5 Обзора

Затронутые комментируемым пунктом проблемы выявления сущности оспариваемых сведений и определения достаточности компетенции суда для признания их порочащими разрастаются в современной судебной практике почти в катастрофических масштабах.

Анализ судебных решений показывает, что при рассмотрении дел о защите чести, достоинства, деловой репутации, суды цитируют, но не всегда понимают позицию, заложенную в п. 7 постановления Пленума ВС РФ № 3: «Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении дело-

вой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица».

Нетрудно заметить, что ВС РФ был дан неисчерпывающий (открытый) перечень сведений, которые могут быть признаны порочащими. Как разъяснил Конституционный Суд РФ, закрепление в ст. 152 ГК РФ понятия «порочащие сведения» без его раскрытия обусловлено разнообразием фактических обстоятельств и преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, а единообразное толкование данной нормы в судебной практике должно обеспечиваться в соответствии со ст. 126 Конституции РФ Верховным Судом РФ (определение КС РФ от 22.01.2014 № 12-О).

Значительная часть судов идет по пути переложения собственной обязанности по исследованию обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения дела (в частности, порочащего характера оспариваемых сведений), на эксперта, мотивируя это необходимостью лингвистической, стилистической и иной оценки словесных конструкций. При этом перед экспертом нередко ставятся вопросы, разрешение которых входит исключительно в сферу полномочий суда.

Так, в одном из дел при назначении лингвистической экспертизы суд поставил на разрешение эксперта такие вопросы.

«1. Имеются ли в следующем тексте статьи... сведения об ответчиках, являются ли они с учетом общего содержания статьи негативными и какова их смысловая направленность?»

2. Если в вышеуказанных фразах имеются негативные сведения о... то в какой форме они выражены: утверждения, предположения, вопроса?»

3. Подтверждает ли лингвостилистический анализ вышеуказанного текста, что в нем имеются в форме утверждений фразы, содержащие сведения о нарушении... действующего законодательства (в том числе о незаконном присвоении ими пенсионных денежных средств), общепринятых норм и принципов морали, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота?»

4. Какова композиционная структура текста статьи, какие стилистические приемы использует автор и как они характеризуют героев публикации?»

5. Являются ли сведения, изложенные в вышеуказанном тексте, утверждениями о фактах, если да, то каких, и возможно ли эти утверждения проверить на соответствие действительности, или оценочными суждениями, мнением автора публикации?» (решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 24.03.2016 по делу № А75-10040/2015).

Приведенный перечень вопросов иллюстрирует несколько типичных проблем правоприменения, связанных с искаженным пониманием правовой позиции Верховного Суда РФ. В их числе:

- подмена правовой категории «утверждение о фактах» термином синтаксического значения «утверждение (утвердительно-высказывание)»;
- использование собственных критериев для разграничения категорий «утверждение о фактах» и «оценочное суждение» (в частности, стиля изложения);

— переложение на специалиста в иной (неправовой) сфере полномочий суда по оценке обстоятельств дела с точки зрения закона.

Первые две проблемы будут подробно рассмотрены в комментарии к п. 6 Обзора, поскольку имеют к нему самое непосредственное отношение. О последней из названных проблем применительно к настоящему пункту Обзора необходимо сказать следующее.

В приведенном нами для примера деле производит впечатление и заслуживает буквального воспроизведения ответ, данный специалистом, которому была поручена экспертиза: «По третьему и пятому вопросу: В компетенцию эксперта-лингвиста не входит решение вопроса о том, передают ли выявленные в тексте утверждения информацию о нарушении истцом действующего законодательства, общепринятых норм и принципов морали, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, поскольку он не является специалистом в области права, морали и этики. Однако лингвист компетентен устанавливать негативный характер информации, под негативной информацией при этом понимается информация (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица, его поступков с точки зрения здравого смысла, общепринятых норм поведения или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области этики или юриспруденции)» (решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 24.03.2016 по делу № А75-10040/2015).

К этому трудно что-либо добавить.

Однако и в рассмотренном деле возникают вопросы относительно соблюдения границ судебной компетенции экспертом как лицом, содействующим отправлению правосудия.

Во-первых, на поставленный судом вопрос (в какой форме — утверждения, предположения или вопроса — в оспариваемых фразах выражены негативные сведения об ответчиках) был дан ответ: информация «...представлена в форме утверждения о фактах и может быть проверена на соответствие действительности».

По сути, произошла обратная замена смешанных судом категорий «утверждение, утвердительное высказывание» и «утверждение о фактах». То есть на некорректный относительно правовой позиции ВС РФ вопрос был дан корректный с точки зрения надлежащего критерия судебной оценки ответ. Это укладывается в задачу содействия правосудию, однако выходит за рамки процессуальных взаимоотношений суда и эксперта, урегулированных законом.

Специальные (неправовые) знания эксперта дают ему право говорить лишь о наличии или отсутствии потенциальной возможности проверить достоверность оспариваемых сведений, но не предоставляют ему полномочие оценивать правовые категории (то есть предрешать, являются оспариваемые сведения оценочными суждениями или утверждениями о фактах). Это обязан сделать суд на основе

исследования всей совокупности представленных в дело доказательств, лишь одним из которых является заключение эксперта.

Во-вторых, суд передал на экспертизу две конкретные фразы, оспариваемые истцом, именуя их далее «вышеуказанный текст». Отвечая на третий и пятый вопросы в части определения негативного характера информации, эксперт проанализировал один из двух оспариваемых истцом фрагментов и дополнительно два других (не указанных) фрагмента из материала, послужившего поводом для судебного процесса.

В последнем случае объект исследования был, по сути, «скорректирован» по сравнению с тем, что указал суд. В целом это соотносится с процессуальным законом: если эксперт при проведении экспертизы установит обстоятельства, которые имеют значение для дела и по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение (ст. 86 АПК РФ, ст. 86 ГПК РФ). Однако отсутствие выводов, свидетельствующих о проведении анализа по одному из поставленных судом вопросов (относительно одной из двух оспариваемых истцом фраз), и причин невозможности дать на него ответ позволяет ставить вопрос о полноте экспертного заключения.

В-третьих, при ответе на третий и пятый вопросы эксперт, сделав оговорку о пределах своей компетенции и охарактеризовав распространенную об истцах информацию как негативную, все же признал один из фрагментов текста оценочным суждением, а другой — утверждением о фактах.

Помимо отмеченного отсутствия у судебных экспертов полномочия оценивать правовые категории (предрешать, чем являются оспариваемые сведения — оценочными суждениями или утверждениями о фактах) возникает вопрос и о внутренней согласованности экспертных выводов.

Как было указано экспертом, под негативной информацией он понимает информацию (сведения), которая содержит отрицательные характеристики лица, его поступков с точки зрения здравого смысла, общепринятых норм поведения или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области этики или юриспруденции).

Представляется очевидным, что с установлением негативного (как и позитивного) характера информации не связан вывод о наличии или отсутствии потенциальной возможности проверять такую информацию на предмет ее соответствия действительности. Эти характеристики (негативная/позитивная и проверяемая/непроверяемая) соотносятся, образно говоря, как «теплый» и «твердый».

По всей видимости, у суда, рассматривавшего дело, не возникли сомнения в обоснованности заключения эксперта (в том числе в части границ его компетенции) и отсутствии противоречий в его выводах, поскольку ответчику было отказано в назначении повторной экспертизы, а также в вызове специалиста для профессиональной оценки представленного по результатам проведенной судебной экспертизы заключения. В решении суд отметил, что экспертом даны исчерпывающие ответы на поставленные вопросы и оснований не доверять его выводам не имеется. Опуская иные весьма интересные с точки зрения закона правовые

позиции, сформулированные судом при рассмотрении данного дела, вернемся к основному тезису комментируемого пункта Обзора. В нем назначение экспертизы или привлечение для консультации специалиста по делам данной категории связано с необходимостью решения вопроса о том, носят ли оспариваемые истцом сведения порочащий характер, а также для оценки их восприятия.

Стоит напомнить, что в литературе предлагается разделение порочащих сведений на две группы:

- содержащие утверждения о нарушении истцом норм закона или морали,
- содержащие утверждения, иным образом умаляющие существующий уровень чести, достоинства и деловой репутации истца [8].

Такое деление обусловлено практической значимостью с позиции судебного доказывания: сведения, относящиеся к первой группе, следует считать порочащими *per se* (сами по себе) ввиду общеизвестности их порочащего характера, в силу этого не нуждающегося в доказывании. К этой группе можно отнести и утверждения «о низком качестве производимой продукции или оказываемых услуг, их несоответствии установленным стандартам; о нечестном, недобросовестном поведении субъекта по отношению к клиентам и контрагентам и т.д.» [9].

То есть если имело место распространение сведений, в которых утверждается о нарушении конкретным (названным) лицом требований законодательства или морали, этому лицу при обращении в суд достаточно доказать только сам факт распространения в отношении него таких сведений. Сведения о противоправном и аморальном поведении лица априори характеризуют его в негативном ключе, тогда как честь, достоинство, доброе имя, деловая репутация по своей сути положительные характеристики.

Сведения, не относящиеся к первой группе, требуют содержательной смысловой оценки с учетом контекста для признания или непризнания их порочащими по существу. При этом судам необходимо анализировать опровергаемые истцом сведения на предмет того, указаны ли в них какие-либо факты о его деятельности, поведении или проявленных качествах, умаляющие его честь, достоинство, деловую репутацию. Если такие указания есть, то независимо от того, в утвердительной или предположительной манере они изложены, распространение этих сведений допустимо только при условии их соответствия действительности; в противном случае имеет место распространение порочащих сведений.

Так, утвердительное указание «компания нарушает закон» и предположительное указание «кажется, компания нарушает закон» при отсутствии реальных фактов, свидетельствующих о действительном нарушении компанией закона, представляют собой распространение порочащих сведений. Таким же образом следует оценивать утвердительное указание «общество производит некачественную продукцию» и предположительное указание «есть мнение, что общество производит некачественную продукцию» — при отсутствии доказательств реальности этого обстоятельства такие утверждения есть распространение сведений, порочащих деловую репутацию.

С учетом сказанного особую значимость приобретает отраженная в судебной практике позиция, согласно которой суд вправе самостоятельно установить порочащий характер оспариваемых сведений, не привлекая к решению этого вопроса эксперта.

- Так, в одном деле общество обратилось к редакции газеты с иском о защите деловой репутации, ссылаясь на то, что опубликованная статья содержала утверждения о совершении истцом противоправных действий и применении в отношениях с другим субъектом силовых, в том числе криминальных, методов работы. Решением суда исковые требования были удовлетворены. Оспаривая вынесенные судебные акты, ответчик ссылался на то, что содержание публикации неправомерно проанализировано самим судом без привлечения специалистов в области изучения текстов. Между тем, как обоснованно отметил вышестоящий суд, оценка текста публикации не требовала экспертизы и была дана судом первой инстанции исходя из того, какое влияние на деловую репутацию истца могут оказать оспариваемые сведения в представлении неопределенного круга лиц, не обладающих специальными знаниями (п. 6 Обобщения АС Свердловской области).
- В другом деле арбитражный суд отклонил довод заявителя кассационной жалобы о том, что судами нижестоящих инстанций необоснованно отказано в удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы для выяснения вопроса, является оспариваемая информация сведением или мнением.

Представляется справедливым вывод кассационной инстанции: «Судами не установлено оснований для назначения судебной экспертизы (ст. 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), поскольку поставленные перед экспертом вопросы относятся к сфере правовых правоотношений, при разрешении которых лингвистических знаний не требуется. Спор разрешен на основании имеющихся в деле доказательств, совокупность которых признана судом достаточной для установления существенных для дела обстоятельств» (постановление АС Уральского округа от 23.09.2014 № Ф09-5058/14 по делу № А76-20132/2013).

В то же время требования истцов по делам данной категории могут быть основаны не на самом содержании распространенных сведений, а на их возможной интерпретации при восприятии другими лицами. В таком случае, а также при наличии сомнений в смысловом содержании текста и возникает необходимость лингвистической экспертизы спорного текста.

В качестве примера может служить дело, в котором на разрешение эксперта был поставлен следующий вопрос: «Можно ли из текста статьи, размещенной на одной из страниц сайта информационного агентства, с учетом композиционной структуры текста, жанровых и стилистических особенностей текста сделать вывод о том, что истец является продавцом «серых» несертифицированных телефонов?» Экспертом был сделан вывод о том, что в тексте статьи утверждается, что истец является продавцом «серых» (несертифицированных) телефонов. С учетом отсутствия доказательств о соответствии действительности данных сведений суд удовлетворил предъявленный иск (п. 7 Обобщения АС Свердловской области).

При этом не стоит забывать, что, как и в любом другом случае назначения судебной экспертизы, перед экспертом не могут быть поставлены вопросы, ответ на которые предполагает правовую оценку обстоятельств. В частности, при проведении

лингвистической экспертизы он может сказать, содержатся ли в тексте сведения о фактах и событиях, возможна ли их оценка с точки зрения достоверности, имеются ли в тексте слова или выражения с оскорбительным значением. Однако лингвист не вправе ответить на вопрос, порочат ли изложенные сведения конкретное лицо, изложены в тексте оценочные суждения или утверждения о фактах и проч. В связи с этим представляется необоснованной постановка перед специалистом в иной (неправовой) сфере вопросов, касающихся возможности проверки достоверности утверждений о нарушении лицом закона. Оценить указанное обстоятельство компетентен только суд, обладающий необходимыми для этого знаниями.

Нередко суды ставят перед экспертами вопрос, содержатся ли в оспариваемых публикациях сведения о конкретном лице (истце, заявителе). В судебной практике встречаются дела, когда сведения не были признаны порочащими честь, достоинство или деловую репутацию истца по причине невозможности точно установить лицо, в отношении которого были распространены порочащие сведения. Например, в случаях, когда субъект обозначается в публикации одной буквой, аббревиатурой или фамилией без указания инициалов или полного имени.

В подобного рода ситуациях обычно отсутствуют основания для заключения о том, что распространенные сведения порочат деловую репутацию именно истца, что исключает возможность удовлетворения заявленного иска (безусловно, если истец не представит доказательств обратного). В то же время если анализ спорной информации не позволяет однозначно идентифицировать личность «потерпевшего», суд вправе принять во внимание иные обстоятельства, свидетельствующие о том, что сведения распространены в отношении данного конкретного лица и касаются связанных именно с ним событий.

- Иллюстрирует данное заключение дело, в котором индивидуальный предприниматель обратилась в арбитражный суд с иском об опровержении статьи, опубликованной в газете автором под вымышленным именем, где содержались сведения негативного характера о деятельности истицы. В качестве возражений ответчик отмечал, что в тексте данной статьи упоминается некая госпожа Д. без указания инициалов (или полного имени и отчества), поэтому истцом не доказано распространение сведений именно о ней, а кроме того, часть оспариваемых истцом сведений сформулирована произвольно, вне буквального текста статьи.

Суд учел, что именно Д. является участником общества, функционирующего в качестве горнолыжного центра, события вокруг которого освещались в статье, а также то, что из объяснений одного из ответчиков следовало, что речь в статье идет непосредственно о Д., получившей 78% уставного капитала данного общества. С учетом проведенной лингвистической экспертизы суд пришел к выводу об обоснованности предъявленных требований и удовлетворил иск (п. 5 Обобщения АС Свердловской области).

- В другом деле при распространении информации были указаны фамилия и используемое истцом коммерческое обозначение (не требующее регистрации, что и не позволило суду признать, что в статье говорится именно об истце). Суд первой инстанции сделал вывод об отсутствии оснований считать, что речь идет об истце,

однако проверочная инстанция признала, что содержание распространенных сведений позволяет установить их связь с истцом: 1) из представленных материалов дела (рекламы, визитки, материалов проверки) следовало, что именно истец обозначает себя данным наименованием на соответствующем товарном рынке для отличия от иных предприятий; 2) материалами проверки, положенными в основу оспариваемых сведений, подтверждалось ее проведение в отношении именно истца; 3) в материалах дела отсутствовали доказательства того, что на рынке данных услуг какие-либо субъекты предпринимательской деятельности используют такое же средство индивидуализации (из обобщения судебной практики «Анализ судебной практики по спорам о защите деловой репутации» от 30.05.2008, подготовленного Арбитражным судом Красноярского края; далее – Обобщение АС Красноярского края).

Вопрос относимости распространенных сведений к истцу поднимается и в других случаях.

Например, в одном из дел с иском о защите деловой репутации обратилось открытое акционерное общество, тогда как в опубликованной статье упоминалось закрытое акционерное общество, что дало суду основания для отказа в удовлетворении иска по мотиву того, что истец не доказал факта распространения в отношении него порочащих сведений (из Обобщения ФАС Волго-Вятского округа).

В практике встречаются случаи, когда суд может испытывать затруднения в решении вопроса об относимости распространенных сведений к истцу, если они распространяются на группу лиц, одним из которых является истец.

Примером может служить дело, предметом исследования в котором стала размещенная в СМИ статья, содержащая следующее указание: «В трех фирмах из 13 проверенных нами довольно серьезные отступления от ГОСТа – и это подтверждено лабораторными испытаниями. Например, аналогичные замечания – к продукции «Б.». Кроме того, выявлены нарушения по угловым соединениям. Кстати, в этих компаниях не проводится приемочный контроль, хотя это тоже обязательное требование». Сведения, содержащиеся в последних двух предложениях, были оспорены истцом, действующим под коммерческим обозначением «Б.», как порочащие его деловую репутацию, поскольку истец не допускал подобных нарушений. Между тем суд отказал в удовлетворении иска, указав, что спорные фразы не относятся непосредственно к истцу и не порочат его деловую репутацию (из Обобщения АС Красноярского края).

Встречается и противоположный вывод, согласно которому расположение после коммерческого наименования предприятия оспариваемых фраз, признанных судом обобщающими, является фактом, свидетельствующим о включении истца в совокупность лиц, о которых делается обобщающий вывод, и, следовательно, позволяет утверждать, что данный вывод относится и к истцу.

Такая позиция находит поддержку в юридической литературе, где обращается внимание на следующие случаи: «...когда распространяемые сведения оскорбляют в целом общность людей, не организованных в единый коллектив с правами юридического лица, а объединенных по признакам пола, национальности, религиозной принадлежности, профессии и пр. «Неопределенный круг лиц» означает, что лица не персонифицируются, их точное количество не устанавливается. Однако эти лица объединены общим интересом, а также фактом нарушения имеющихся у них однородных прав» [10, с. 173-180].

Изложенное подтверждает, что судам нельзя формально подходить к разрешению вопросов о том, относятся ли распространенные оспариваемые сведения к истцу, предъявившему требование о защите чести, достоинства или деловой репутации, являются ли эти сведения порочащими. Надлежащее (требуемое процессуальным законом) исследование предмета доказывания по делу предполагает правовую оценку всех обстоятельств и представленных доказательств в совокупности и по существу.

Суду следует помнить, что в силу особого статуса, предоставленного ему законом, он является единственным органом, компетентным разрешать вопросы права, давать оценку правоотношениям и правовым категориям, а также доказательствам, не имеющим заранее установленной формальной силы.

Привлечение к делу лиц, содействующих отправлению правосудия (экспертов и специалистов), целесообразно и допустимо исключительно для дачи заключений и консультаций по вопросам, выходящим за рамки указанной компетенции суда. При этом выводы экспертов и специалистов являются лишь дополнительной почвой для размышления при исследовании и оценке непосредственно судом обстоятельств, имеющих значение для дела, и представленных доказательств, в том числе при квалификации оспариваемых сведений в качестве утверждений о фактах или оценочных суждений (о чем более подробно сказано в комментарии к п. 6 Обзора).

Не будет лишним еще раз внимательно прочитать формулировку тезиса комментируемого пункта Обзора. В нем обращено внимание не на безоговорочную необходимость назначения лингвистической или иной экспертизы для отнесения оспариваемой информации к утверждениям о фактах или к оценочным суждениям, мнениям, убеждениям, а на возможность применения специальных знаний, отсутствующих у суда, для оценки восприятия иными лицами этих сведений.

Другими словами, при рассмотрении дела о защите чести, достоинства, деловой репутации в силу возложенной на него функции и с учетом предоставленных исключительно ему законом полномочий суд обязан самостоятельно:

- правильно разграничить (на основе разъясненного Европейским судом по правам человека и Верховным Судом РФ критерия – потенциальной проверяемости сведений на предмет их соответствия действительности) и установить юридически значимый факт наличия в спорном тексте «утверждений о фактах» и/или «оценочных суждений» (об этом подробнее будет говориться далее);
- установить порочащий или непорочащий характер оспариваемых сведений.

При этом суд вправе обратиться к лицу, обладающему специальными (отсутствующими у судьи) знаниями:

- для уяснения смысла и правильной оценки восприятия анализируемых фраз (в том числе при использовании в них специальной терминологии);
- для уточнения смысла и объективного восприятия сведений, изложенных в завуалированной, образной, иносказательной, оскорбительной и иной форме;
- для правильной оценки восприятия контекста, в котором использованы оспариваемые фразы;
- для выяснения наличия или отсутствия объективной возможности проверки достоверности сведений, передаваемых с помощью данных фраз (за исключением сведений о нарушении законности, противоправном поведении).

И делать это целесообразно лишь «в необходимых случаях» с учетом:

- обстоятельств конкретного дела;
- границ компетенции органа, отправляющего правосудие, и лица, призванного оказывать ему содействие;
- равной силы любых доказательств, на которых основывается судебное решение;
- требований закона к оценке любых представляемых в суд доказательств.

М. РОЖКОВА,

доктор юридических наук

М. ГЛАЗКОВА,

кандидат юридических наук

(Окончание следует)

Библиографический список

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1981.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М., 1982.
4. Позднышев С. В. Особенная часть русского уголовного права: Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового уложений. 3-е изд. 1912 // <http://allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3668/item4713.html>
5. Резник Г. М., Скловский К. И. Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ / Под общ. ред. К. И. Скловского. – М., 2006.
6. Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): научно-практ. пособие / Под общ. ред. М. А. Рожковой (в соавторстве с М. Е. Глазковой, Д. В. Афанасьевым, А. С. Ворожевич). – М.: Статут, 2015.
7. Рожкова М. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2010. № 2.
8. Эрделевский А. М. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике // СПС «КонсультантПлюс».
9. Ивачев И. Деловая репутация юридического лица и ее гражданско-правовая защита // Финансовая газета. 2006. № 13 (март).
10. Малеина М. Н. Защита чести и деловой репутации неопределенного круга лиц // Вестник гражданского права. 2010. № 1. Т. 10.